

I. Определение геральдики

Геральдика, или гербоведение, — дисциплина, посвященная изучению гербов. Термин «геральдика» относится также к традиции и практике использования гербов (в этом смысле русская геральдика старше русского гербоведения).

Геральдика является частью эмблематики — группы взаимосвязанных дисциплин, изучающих эмблемы.

Значение терминов «герб», «эмблема», а также «символ» имеет смысл рассмотреть во взаимной связи.

Символ — знак, иносказательно указывающий на некое понятие или явление (так, скипетр — символ власти, пальмовая ветвь — мира, а также первенства, и т. д.). Эмблема — это символ, предметом обозначения которого является не абстрактное понятие, а индивидуальный или коллективный «обладатель» этой эмблемы, устойчиво ею пользующийся (так, скрещенные топоры — эмблема инженерных войск Российской империи, а также их генерал-инспектора)¹. Наконец, герб — частный случай эмблемы, характеризующийся тем, что его строение, употребление, правовой статус соответствуют особым, исторически установившимся правилам.

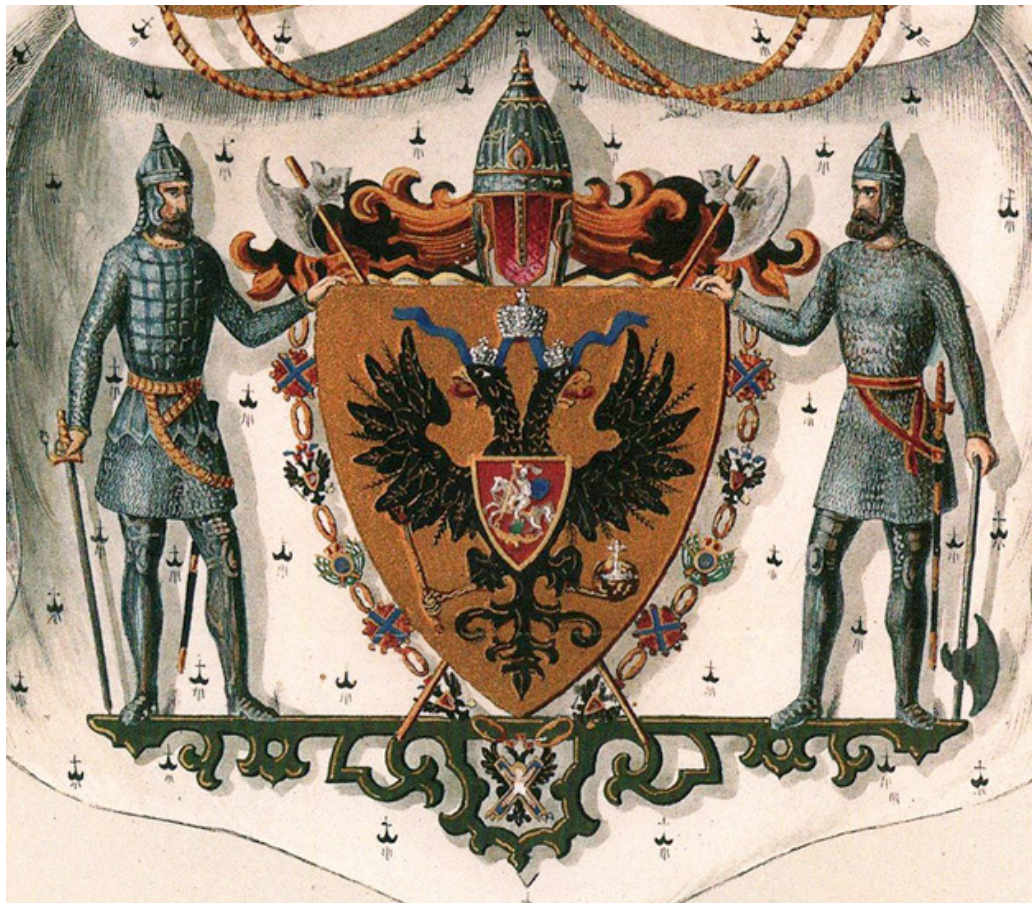

Рис. 1. Топоры (скрещены за щитом) как должностная эмблема в большом гербе Великого князя Николая Николаевича (старшего); показан фрагмент (центральная часть) этого герба.

¹ Исторически термин «эмблема» применим также к аллегориям — сложным композициям, составленным из символов.

Иногда говорят о символах и эмблемах в узком смысле, противопоставляя всегда принадлежащей кому-либо эмблеме безличный символ, или же разграничивая подчиненные твердым правилам гербы и куда более свободно составленные и используемые *эмблемы*. В то же время говорится, что герб — «официальный символ», что эмблемы относятся к *символике* их обладателя. При грамотном, осмысленном употреблении терминов все эти словесные противоречия сглаживаются сами собой.

Старейшие известные гербы датируются второй половиной XII столетия. Они принадлежали высшей аристократии исторических Нидерландов, Франции и Британии. На протяжении двух последующих столетий их употребление распространялось по всей Западной и Средней Европе и почти во всех социальных слоях и группах. Появились женские гербы, гербы духовных лиц, горожан, крестьян, а также городов (городских общин), корпораций, государств, провинций и т.п. С конца Средневековья в большинстве стран Европы были установлены различные правовые ограничения: дворянство пыталось сделать употребление гербов (или хотя бы определенных почетных элементов в гербах) своей исключительной привилегией; государство стремилось поставить гербы под свой контроль (иногда — вплоть до запрещения гербов, не снискавших официального подтверждения). В трактатах эти тенденции отражались наиболее полно, гораздо меньше — в законодательстве, еще меньше — на практике. При этом, наряду с законами, геральдика всегда в значительной мере руководствовалась так называемым обычным, неписаным правом.

Геральдические правила в основе своей являются международными (наднациональными), но в различных странах действует множество частных норм как правового, так и чисто геральдического характера. Например, один и тот же тип гербовой короны обозначает во Франции титул герцога, в Испании — достоинство гранда, в Германии — старинный графский титул и т. п.; в России же такая корона была признана за Демидовыми-Сан-Донато (ОГ XIII, 66) как указание на их итальянский княжеский титул.

Глубокое исследование русской геральдики невозможно, если она рассматривается в отрыве от других европейских геральдических традиций, под совместным влиянием которых в России складывались и местные геральдические нормы, и отдельные гербы. Необходимо учитывать и влияние иностранного гербоведения на формирование профессиональных концепций — и, как следствие, на деятельность — наиболее образованных российских геральдистов. В меру их эрудиции геральдическая практика в Российской Империи была непосредственно связана не только с современными практиками Запада, но и с наследием золотого века геральдики — западного Средневековья. Конечно, все это не дает оснований произвольно применять германские, французские или британские стереотипы к русским гербам. Необходимы сравнительные исследования, кропотливое сопоставление исторических реалий. Подобная методика вполне традиционна для отечественного гербоведения, но до сих пор довольно мало разработана.

II. Геральдика в России

Основная задача этого раздела — рассказ о развитии русского гербоведения. Но представляется неверным игнорировать цельность геральдики как социально-культурного явления и излагать историю геральдической науки в отрыве от истории прикладной геральдической мысли, выразившей себя в практике, в работе геральдических учреждений и т.д.

Кроме того, одной из ключевых проблем отечественного гербоведения является анахроническое применение геральдических критериев к несомненно более ранним, догеральдическим памятникам.

Уместно связать эти сюжеты воедино, начать издалека и пояснить, что геральдическая практика по сравнению с западной и средней Европой запоздала в России на пять веков, т.е. установилась не в XII, а в XVII столетии. Однако влияние геральдики сказывалось уже в XV веке, когда складывающееся единое русско-московское государство потребовало новой символики. Помещение Иоанном III двуглавого орла на реверсе печати было несомненным подражанием гербовой печати императоров Священной Римской империи, а изображение «ездца» на аверсе, являющееся одновременно эмблемой государства и условным портретом монарха, отчетливо перекликалось с воплотившим эти же особенности гербом Литвы. Позже влияние усилилось, но касалось почти исключительно внешнего вида, декоративного оформления, отдельных композиционных и изобразительных мотивов. Структура герба, цветовая фиксация деталей оставались неизвестными и непонятными для русских.

Примером формального подражания гербам может послужить произошедшее при Иоанне IV Грозном совмещение орла и «ездца». «Ездец» был расположен на фигурном нагруднике, как бы надетом на туловище птицы. Безусловно, это было композиционной цитатой из герба Священной Римской империи, где орел мог дополняться сердцевым щитком с родовым гербом правящего императора. Но чисто геральдическая идея *сердцевого щитка* была неведома в Москве, и поначалу его пришлось заменять специально сочиненной деталью, способной «удержаться» на теле орла. Лишь позднее, в XVII в., «ездец» стал помещаться в самостоятельном картуше.

В ходе «знаковой полемики» с соседними державами Иоанн IV не раз цитировал их геральдическую практику, включая в собственный знаковый (сфрагистический) обиход целые композиции (воин на стене — герб города «Кеси», т.е. Вендена/Цесиса в Ливонии) или отдельные фигуры: медведя из герба герцогства финляндского, рысь тавастской провинции, нарвскую рыбу. Но это не отнюдь означало заимствования знаковой системы геральдики в целом.

С XVI в. известны и собственно российские территориальные эмблемы, иллюстрировавшие монарший титул. В XVII столетии их также стилизовали «под герб», помещая в картушах. Наиболее яркий памятник догеральдической российской символики является также ярчайшим примером игнорирования гербовых правил; это знаменитый «Титулярник», или «Большая государственная книга» 1672 г. «Титулярник» представлял собой собрание изобразительных доказательств величия российских государей и, в частности, содержал более тридцати территориальных эмблем (а также портреты великих князей и царей от Рюрика и т. п.). Одновременно в «Титулярник» вошли более или менее четко перерисованные гербы держав, с которыми Россия состояла «в общении». Можно было бы ожидать типологической нивелировки русского и западного материала. Но, напротив, бросается в глаза контраст; «печати» (эмблемы) русских земель в основном лишены четкой расцветки деталей, вместо геральдических полей изображены пейзажные фоны, почти полностью отсутствуют характерные для западных гербов геометрические формы («геральдические фигуры»), картуши с эмблемами лишены каких-либо внешних элементов.

Смысловое своеобразие догеральдической русской символики характеризуется присутствием в «Титулярнике» двуглавого орла без всадника на груди в качестве московской (общероссийской) эмблемы. Вероятно, это объяснимо особенно четко осознававшимся значением

всадника как условного изображения монарха, его аллегорического «портрета». Но портрет правящего государя в «Титулярнике» уже присутствовал. Это был реалистический погрудный портрет; и все же его соседство с «ездцом» явилось бы неуместным дублированием.

Что касается родовой символики — на Московской Руси она была настолько неразвита, что до начала XVII в. геральдическому влиянию, даже сугубо формальному, было практически не на чем проявиться. Показательно, что герой Смутного времени князь Д.М. Пожарский пользовался печатями, изображения которых отчетливо имитировали геральдические формы; но при этом он выступал в роли правителя, а не частного лица.

Идея использования личной (или родовой) эмблемы сдерживалась как социальными факторами (несамостоятельность родового статуса в системе местничества), так и особенностями знаковой культуры (увлечение абстрактно-нравоучительной символикой, аллегориями в противовес персональной эмблематике). Тем не менее при первых Романовых ситуация постепенно меняется; сказываются контакты с Западом, присоединение Украины. Известные фразы Котошихина² о том, что «у всякого чину людей Московского государства гербов не бывает» и что «гербов... изложить не могут», характеризовали ситуацию при Алексее Михайловиче, но при нем же и стали устаревать. Наконец, с отменой местничества в 1682 г. пользоваться гербами (или эмблемами, гербам подражавшими) стали многие знатные семейства.

Четко отграничить псевдогеральдическую практику от геральдической не всегда возможно: эмблема может *выглядеть* как герб; но для нас важно, *воспринималась* ли эта эмблема теми, кто пользовался ею для обозначения или опознания, в русле гербовой культуры, геральдических представлений. Впрочем, последние получают существенное распространение на протяжении 1680-х гг. С 1686 г. в Посольском приказе и Родословной палате шло делопроизводство о гербах выехавших с Запада «шляхецких» фамилий, т.е. родовые гербы получили признание государства.

Первые пожалования гербов последовали при Петре I. Еще в 1692 г. городу Ярославлю была дарована гербовая печать. Идея муниципального герба к тому времени еще чужда России; и за неимением собственно городской эмблемы на печати воспроизвели старую, догеральдического происхождения эмблему Ярославского княжения. В документации о печати не были точно определены геральдические характеристики (прежде всего расцветка фигур и поля), и можно полагать, что пожалование все еще было догеральдическим по сути, а термин «герб» был применен сугубо формально. Тем не менее акт 1692 г. стал первым случаем узаконения городского герба в России. Прочие гербовые пожалования, совершенные Петром I, относились к дворянским родам. Гербов удостоились А.Д. Меншиков (ОГ I, 15), Ф.М. Апраксин (в 1715 г.; ОГ III, 3), Я.В. Брюс (в 1721 г.; ОГ II, 11) и другие. Русские подданные получали также иностранные пожалования; так, А.А. Матвееву в 1714 г. была пожалована грамота на графский титул Священной Римской империи и на соответствующие дополнения к уже имеющемуся гербу. «цесарские» пожалования служили образцами для русских грамот на гербы. Поначалу таковые готовились при содействии Я.В. Брюса и, быть может, П.А. Толстого — высокопоставленных ценителей гербоведения из окружения Петра I. По свидетельству В.Н. Татищева, государь собирался поручить «рассмотря, исправить» русскую геральдику именно им, но государственные дела другого рода слишком связывали и Брюса, и Толстого.

В 1722 г. был назначен первый герольдмейстер, которому император вменил в обязанность, помимо прочего, работу с дворянскими гербами — «родословными и прежними и вновь данными». В том же году товарищем герольдмейстера, поставленным специально для «сочинения» гербов, стал (по протекции Брюса) пьемонтец, образование получивший во Франции, граф Ф.М. Санти. Графу были поручены не только дворянские гербы, но и государственный, провинциальные и городские: в одних случаях следовало придать строго геральдическую форму старой эмблеме, в других — изобрести новый герб. При этом Санти стремился отражать местную специфику, например, достопримечательности городов (в гербе Серпухова монастырский птичник был увековечен фигурой павлина и т.д.). В области гербоведческой теории Санти был верным последователем великого французского геральдиста М. де Вюльсона де Коломбера. Формально-книжный, франкофильский стиль Санти существенно разнился с

² Г.К. Котошихин — подьячий Посольского приказа; перебежчик в Швецию, составивший подробный рассказ о положении дел в России.

гербовой практикой соседей России: Австрии, Польши и др.; со стороны прибалтийских дворян даже последовали протесты. Но в собственно русской геральдике Санти не ломал, а дополнял спонтанно складывавшиеся схемы³.

Большая часть гербов, разработанных Санти, осталась не востребовавшей до его отрешения от дел в 1727 г.; однако именно им был заложен твердый фундамент российского официального герботворчества. Отсюда и наименование *отца русской геральдики*, усвоенное графу Санти позднейшими гербововедами.

Лишившись Санти, Герольдмейстерская контора далеко не сразу восстановила свою ведущую герботворческую роль. В 1728 г. разработка городских и земельных гербов велась уже в военном ведомстве — для помещения таковых гербов на знаменах полков согласно их наименования и квартировки. Местные эмблемы для полковых знамен были уже сочинены в 1712 г., но имели откровенно негеральдический характер. Работу над созданием гербов возглавил (судя по всему — неформально) граф Б. фон Миних. В итоге был составлен сборник, в который вошло более 80 гербов провинций и городов. Были использованы и проекты Санти, и другие источники, о которых приходится лишь догадываться; большую работу Миних с ассистентами провели самостоятельно. В 1730 г. «гербовник Миниха» был удостоен высочайшего утверждения; последовал сенатский указ об употреблении утвержденных гербов не только в полках, но и губернаторами.

Как в делопроизводстве о разработке полковых гербов, так и в самом гербовнике понятия о гербе провинции и ее центрального города не были должным образом разделены. Это объяснялось тем, что гербы готовились для полков сообразно их двояко толкуемым названиям: «Владимирские», «Казанские» и т.п.; а также тем, что русские города в 1730 г. были не привилегированными сообществами «граждан», а элементами административной системы, в которой город-центр и подведомственная ему территория находились на одной смысловой оси. Смещение городского и территориального герба оставалось обычным для России и позднее (а фактически остается нередким и сегодня). В гербовнике Миниха задавали тон гербы, оформленные на территориальный манер (в таких гербах, как псковский, ярославский, рязанский, помещались княжеские шапки согласно титульному достоинству, которое исстари принадлежало этим территориям); но, строго говоря, речь шла об установлении *общего* герба для города и «его» провинции. Если из названия следовала принадлежность герба только территории («Сибирский», «Эстляндский») или только городу («Кронштадтский», «Рижский»), или только полку как таковому (отдельный герб был дарован Лейб-регimentу), это не нарушало единого стиля оформления. Двум гербам западного происхождения были оставлены, в виде исключения, старинные дополнительные элементы (шлем с нашлемником у Ревеля, щито-держатели у Выборга).

1730 год стал исключительно важной вехой в становлении русской геральдики. Впервые геральдические версии старых земельных эмблем получили полноценное законодательное утверждение; впервые (не считая «экспериментального» пожалования Ярославлю в 1692 г.) устанавливались городские гербы, включая оба столичных; система корон достоинства, закрепленная в гербовнике, была логичной и оригинальной.

Независимо от Санти и Миниха геральдику исследовал и преподавал профессор Санкт-Петербургского академического университета Академии наук И.С. Бекенштейн. Его компилятивный труд об основах геральдики, написанный на немецком языке и опубликованный в Петербурге в 1731 г., стал первым гербоведческим изданием в России.⁴ Однако и книга, и лекции оказали влияние лишь на «чужестранную» аудиторию. Бекенштейн также занимался герботворчеством, развивая идею отражения в гербе местных характерных черт и достопримечательностей, но из всех его проектов применение нашли лишь немногие (герб Академии наук; магистратский и собственно городской гербы Оренбурга, уже в 1776-1782 гг. вытесненные новым гербом города).

³ К слову, отнюдь не вся деятельность Санти характеризовалась импортом французской теории. Среди его советчиков были шотландец Брюс, англичанин Олроу, швед Стремфельд, одним из его настольных справочников был, наряду с трактатом Колумбьера, фундаментальный труд немца Ф.Я. Шпенера. Сам Санти был оригинальным геральдистом и, к тому же, отменным рисовальщиком.

⁴ Beckenstein J.S. Kurtze Einleitung zur Wappenkunst und zur Art des Blasonierens. SPb., 1731.

С 1741 по 1758 г. в Герольдмейстерской конторе служил воспитанник академического университета В.Е. Адодуров,⁵ благодаря которому контора успешно возобновила создание гербов (преимущественно дворянских). Помимо вкуса к традиционной композиционной эстетике герба, Адодуров обладал глубоким пониманием гербовой структуры и социально-правового значения второстепенных атрибутов (в частности, корон). Это удалось благодаря знанию языков, знакомству с опубликованными трудами по предмету (в конторе им была собрана гербоведческая библиотека). Определяющим было влияние более авторитетных геральдических авторов Запада Европы и, как следствие, частных геральдических норм Франции, Британии; но при разработке графских гербов продолжала сказываться ориентация на Священную Римскую империю.

Оживление герботворчества предопределялось намерением императрицы Елизаветы небывало наградить роту гренадер, ее на престол возведших. Рота получила почетное наименование «Лейб-компаний», гренадерам было даровано дворянство, и все они, числом более 300, должны были получить гербы, причем в каждом из них собственный герб лейб-компанца соединялся, в знак монаршей милости и увековечения заслуг, с «генеральным» лейб-компанским гербом. Объем работы был огромным; часть лейб-компанцев так и не получила гербов.

Большинство русских дворянских гербов этого времени использовалось их обладателями без высочайшего утверждения; к последнему прибегали почти исключительно для придания геральдического оформления пожалования дворянства, титула либо иной подобной почести.

В отличие от «профранцузской» позиции Герольдмейстерской конторы, общие закономерности оформления неутвержденных гербов российского дворянства были внушены соседскими примерами — польскими, германскими и скандинавскими гербами. В них присутствовали дворянские короны, не принятые во Франции, но обычные в центральной Европе и в Речи Посполитой, шлем с решеткой как общий дворянский атрибут и т.п. Проникновение этих норм в жалованную дворянскую геральдику совершилось лишь при Екатерине II.

В правление этой императрицы последовал новый геральдический бум, но на сей раз более скромный и связанный с массовым утверждением городских гербов. С 1767 г. Герольдмейстерская контора разрабатывала гербы для самих городов, поначалу (до конца 1770-х гг.) еще продолжая *отдельно* создавать, по запросу Военной коллегии, местные гербы на полковые знамена; а в 1785 г. «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» установила, что город непременно должен иметь высочайше утвержденный герб для употребления на печати и «во всех городских делах». В итоге состоялось массовое пожалование местных гербов. Кроме того, Екатерина II продолжала пожалования гербов дворянам. К концу ее правления количество таковых гербов, пожалованных отдельными дипломами, приближалось к четыремстам. Но пожалования были, как правило, приурочены к возведению в новое достоинство, а «сердцевина» сословия (в том числе старинные княжеские и нетитулованные роды) пользовалась гербами без утверждения. При этом отношение к представительской функции и правовому статусу этих гербов было вполне серьезным. Так, представителями Муравьевых и Пуциных был составлен и подписан протокол об использовании обоими родами — в знак общего происхождения — одного и того же герба. Большинство рюриковичей пользовалось, в качестве основы для своих гербов, высочайше утвержденными гербами территорий, дабы указать на владения своих предков. Характерен пример дворян Татищевых, принявших собственным гербом герб Смоленского княжения с добавлением к нему польской версии смоленского герба, а также девиза «*Не по грамоте*»: Татищевы гордились тем, что благородный статус и герб как его атрибут были восприняты ими не по пожалованию (диплому, грамоте), а по деяниям предков. Гербовый быт русского дворянства в XVIII в. был сравнительно богатым, но неупорядоченным: обычными были произвольные и случайные искажения элементов, гербовые узурпации, гербоведчески варварские композиции.

Идея упорядочения дворянской геральдики проявляется к концу столетия в составлении разными авторами сборников гербов (по преимуществу неутвержденных) с представлением их августейшим особам. Так, депутат Уложенной комиссии от крапивнинского уездного дво-

⁵ Впоследствии — адъюнкт Академии наук; первый русский, занявший это положение.

рянства А.Т. Князев преподнес Екатерине II в 1785 г. «Собрание фамильных гербов, означающих отличие благородных родов обширныя Российския Империи, частно снятое с печатей и приведенное в алфаветный порядок», с 527 рисунками гербов в цвете. Возглавлявший Герольдмейстерскую контору в 1783-1794 гг. Л.И. Талызин подошел к проблеме как профессионал: избирательно составленный им гербовник должен был раскрывать системность российской гербовой практики, а обширный пояснительный текст имел характер гербоведческого трактата — первого в отечественной геральдике. Труд Талызина впечатляет глубиной суждений. Так, комментируя своеобразие геральдики в России, он разграничивает разнообразие геральдико-правовых норм, присущих феодальной традиции Запада, и значение русского дворянского герба как атрибута унифицированного дворянского достоинства. То, что трактат Талызина остался практически неизвестным и неисследованным, явилось значительным уроном для российского гербоведения.

По выражению В.К. Лукомского, «с восшествием на престол Царственного Рыцаря в истории русской геральдики начинается новая эра». Павел I учредил «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи», в котором, от тома к тому, предстояло собрать и утвердить все гербы дворян, приведя их при этом в согласие со всеми правилами геральдики. Павел планировал и другие реформы, в том числе несостоявшееся создание «Общего гербовника городов».

Каждая часть (том) «Общего гербовника дворянских родов» (далее — Общий Гербовник, ОГ) содержала около полутора ста гербов, иногда несколько более. При Павле I были подготовлены и утверждены пять частей, части с шестой по девятую удостоились утверждения Александром I с 1801 по 1816 гг., десятая часть была утверждена в 1836 г. Николаем I. Эти части ОГ были в 1800-1840 гг. опубликованы. Последовал спонтанный перерыв; затем с 1863 г. и до конца правления Николая II были утверждены еще десять частей. Они уже не публиковались; подлинник всех двадцати частей хранится в РГИА в С.-Петербурге.

Для создания начальных томов ОГ была образована рабочая группа под началом генерал-прокурора князя А.Б. Куракина, непосредственно возглавленная обер-прокурором 3 департамента Сената О.П. Козодавлевым. В 1800 г. группа была слита с Герольдмейстерской конторой, новое учреждение получило права коллегии и официальное название «Герольдия», а Козодавлев стал ее директором (герольдмейстером). Наблюдение за собственно геральдическими деталями вносимых в ОГ гербов было поручено (с 1800 — вкупе с должностью ваппенрихтера, т.е. гербового судьи) молодому чиновнику Матвею Ваганову, который впоследствии прилежно выполнял эти обязанности вплоть до подготовки X части ОГ. Дальнейший перерыв в работе на существенную долю объяснялся отсутствием у Ваганова преемников.

Профессиональная осведомленность Козодавлева и Ваганова оставляла желать много лучшего. Вместо грамотного редактирования гербы формально подгонялись под общие шаблоны, порой искажались, тогда как многие нарушения геральдических правил были оставлены без исправлений. Описания гербов, как и родословные справки к гербам (столь важные, например, для идентификации конкретного обладателя по гербу), пестрят ошибками и лакунами. Из геральдических пособий, которыми располагали составители начальных томов, наверняка известно лишь одно — весьма второстепенный трактат «Начертание гербоведения» гессенца И.Х. Гаттерера, переведенный секретарем Герольдии Г. Мальгиным и изданный в русской версии в 1805 г. И все же гербы российского дворянства были действительно широко охвачены упорядочением и кодификацией.

Дела, решавшиеся Герольдией, выходили далеко за пределы геральдики и были весьма сложны. С работой в области городской геральдики Герольдия не справлялась вовсе, так что Александру I и Николаю I проекты представлялись через Министерство внутренних дел. Множество проблем было связано с делами о дворянстве западных губерний, для чего в 1839 г. Было учреждено особое подразделение — Временное присутствие Герольдии, просуществовавшее до 1848 г. В 1848 г. Герольдия была преобразована в сенатский департамент («Департамент герольдии правительствующего Сената»). Все эти изменения не принесли решающего улучшения в геральдической деятельности государства.

Событием стало сведение воедино городских и земельных гербов в особом приложении к Полному собранию законов, вышедшем в свет в 1843 г. Но это издание, подготовленное отнюдь не гербоведами, во многом несовершенно: некоторые гербы были воспроизведены гравером с искажениями (так, из герба Петрозаводска исчезла рудоискательная лоза), гербовник 1730 г. проигнорирован, и т.д.

Николай I считал российские геральдические практику и делопроизводство весьма несовершенными; он рассчитывал, что положение может быть исправлено при содействии геральдиста-профессионала, квалифицированного гербового судьи (этот пост остался вакантным по смерти Ваганова). Поиск гербоведа и разработка концепции для реформы велись с 1849 г. Среди лиц, бравшихся за разработку свода геральдических правил, могущего лечь в основу реформы, был и один из герольдмейстеров — И.Д. Булычев. Он написал любительского свойства трактат по геральдике, начатый как официальный свод правил, но завершённый и малым тиражом опубликованный (по-французски!) уже в качестве частного труда, после отставки герольдмейстера].⁶

Тогда же вышла в свет отдельным изданием и фундаментальная книга А.Б. Лакиера «Русская геральдика»⁷, легшая в основу непрерывной традиции русского гербоведения. Эта книга, по выражению П.П. фон Винклера, — «первая и блистательная попытка истории русских гербов, о которых до того времени существовало совершенно неясное представление». Лакиер был юристом и историком, никак не связанным с геральдическим ведомством, и писал не пособие для служащих этого ведомства, а исследование, адресованное широкой аудитории; стремился не предлагать, а выявлять нормы на основании анализа памятников.

И исследовательский опыт, и патриотизм побуждали Лакиера обличать «ложную в основании и последствиях» мысль, «будто у нас не может быть отечественной геральдики, не может быть самостоятельной науки о наших гербах». Отсылка к западной традиции, сама по себе безусловно необходимая, тем не менее оставляет «необъяснимыми изменения, в эмблемах и атрибутах наших гербов происходившие».

В первой части книги Лакиер рассказывает о западных корнях геральдической традиции, об основных правилах гербоведения. Вторая часть, призванная риторически уравновесить первую, посвящена русским догеральдическим эмблемам; это своего рода трактат в трактате, повествующий о печатях допетровской Руси. Эта часть безусловно необходима для полноты книги (поскольку прослеживает историю государственной и земельной символики, впоследствии востребованной в качестве основы для соответствующих гербов) и имеет собственную сфрагистическую ценность; однако в ней явно преувеличено преемство русской геральдики к старинным печатям, а ключевой термин «герб» употребляется то в прямом смысле, то в условно-расширенном, когда речь идет об устойчиво употребляемых официальных эмблемах печатей. В результате собственная, внегеральдическая специфика старых русских эмблем предстает на страницах книги недостаточно раскрытой, а переход к подлинным гербам — слишком нечетко очерченным. Третья и четвертая части «Русской геральдики» (занимающие две трети книги) посвящены отечественным гербам как таковым: их особенностям, основным типам, а равно истории учреждений, их создававших. «Русская геральдика» была оценена многими читателями как прикладной труд, введение в герботворчество, однако по сути своей книга имела историко-фундаментальный характер.

И, наконец, в том же 1855 г. определилась кандидатура официального «практического гербоведа»: им стал хранитель нумизматического кабинета Эрмитажа Б.В. Кёне (впоследствии — барон фон Кёне). Последовали разработка государственных, династических, территориальных, родовых гербов, общих гербоведческих концепций, которыми следовало руководствоваться впредь, труды по совершенствованию блазонирования и т. д. В 1857 г. при Департаменте герольдии была — впервые за всю историю России — учреждена специализированная геральдическая структура под наименованием Гербового отделения. Его управляющим стал Кёне.

⁶ Boulitchoff J. Essai sur l'art du blason... SPb., 1855.

⁷ Лакиер А.Б. Русская геральдика. СПб., 1855. Годом ранее работа Лакиера была напечатана в «Записках императорского археологического общества».

Под руководством Кёне была составлена XI часть ОГ; дворянские гербы, создававшиеся или же правленные им, образовали также основу XII и XIII частей. критерии и мотивы правки гербов и их проектов, представлявшихся дворянами на утверждение через Герольдию, стали довольно четкими. Это относится и к осуществлявшемуся в Гербовом отделении «авторскому» сочинению гербов по запросам гербовладельцев. Кёне также довелось продолжить работу с государственным и династическими гербами, подготовить реформу местной геральдики, а также добиться геральдической точности в выполнении изображений гербов, «вымуштровав» нового штатного художника Герольдии А. Фадеева.

Обладавший скорее широкими, нежели глубокими гербоведческими познаниями, и воспринимавший геральдические правила с преувеличенным формальным ригоризмом, Кёне пользовался репутацией последователя германской геральдики, «схоластичной» и «безвкусной»; в этом качестве его противопоставляли Лакиеру с его «противоположными взглядами на понимание задач» (по формулировке Лукомского). Это не вполне справедливо. Лакиер действительно стремился раскрыть уже сложившуюся системность в русской геральдике, тогда как Кёне в качестве официального чиновника ставил перед собой задачу введения новой системы. Лакиер цитировал уже утвержденные блазоны, Кёне рвался составлять новые. Но во многом их воззрения были близки; оба в поисках русской геральдической идентичности обращались к древностям, допетровскому наследию, преуменьшая дистанцию, отделяющую его от «настоящих» гербов (Кёне как практический геральдист порой демонстрировал при этом реформаторский радикализм и изъяны вкуса, Лакиер же просто не проявлял себя в этой сфере).

В 1886-1914 гг. Гербовое отделение возглавлял А.П. Барсуков, не разделявший гербоведческого ригоризма Кёне и критически относившийся ко многим нововведениям последнего. Однако, не располагая цельной альтернативной концепцией, Барсуков фактически действовал как последователь Кёне, допуская лишь некоторые послабления в правилах: так, в гербах вновь появились «естественные» цвета и немотивированно четверочастные щиты, которых Кёне старался избегать. При Барсукове были составлены пятитомный «Сборник высочайше утвержденных городских и местных гербов», двадцатитомный «Сборник высочайше утвержденных дипломных гербов российского дворянства» (около полутора тысяч гербов), рабочие сборники-указатели для использования сотрудниками Гербового отделения. Все эти работы остаются неопубликованными и ныне сохраняются в РГИА.

Следует учитывать, что в Российской империи автономией, в том числе и геральдической, пользовалось Великое княжество Финляндское, а до 1862 года и Царство Польское: там вели собственное делопроизводство, а общероссийские нормы применялись с оговорками.

Со временем гербы все более привлекали интерес частных исследователей. Упомянем лишь нескольких наиболее интересных авторов и их труды.

В 1892-1894 гг. П.П. фон Винклером была предпринята попытка создать обобщающий геральдический трактат, проиллюстрировав его всеми дворянскими гербами, утвержденными в России; из семи томов этого любительского сочинения были опубликованы только три. Более известна его книга «Гербы городов, губерний, областей и посадов...», в которой собраны гербы, вошедшие к 1900 г. в Полное собрание законов, а также помещены очерки геральдической теории и истории местной геральдики в России.

В 1908 г. вышел в свет курс лекций по геральдике, читанных хранителем Оружейной палаты Ю. Арсеньевым в Московском археологическом институте. Впервые в России международно принятые правила и традиции геральдики были столь подробно раскрыты, терминология — столь разработана.

В 1913-1914 гг. С.Н. Тройницким в Петербурге публиковался журнал «Гербовед» — исключительное по своим достоинствам издание, на страницах которого помещались исследования, архивные материалы, рецензии, шла острая дискуссия о русском блазонном языке. Тройницким были изданы также чрезвычайно ценные гербовник Князева и гербы лейб-кампанцев.

Крупнейшим русским ученым-геральдистом своего времени был В.К. Лукомский — выпускник, а затем преподаватель Петербургского археологического института, автор ряда важных печатных работ, сотрудник и оппонент Тройницкого, и в то же самое время служащий Депар-

тамента герольдии; в 1914 г. он возглавил Гербовое отделение, а в 1915 г. был окончательно утвержден в должности управляющего. Эрудит, обладавший значительной профессиональной интуицией, Лукомский видел в гербе, прежде всего — в его конкретном воспроизведении, цельный феномен изобразительной культуры, чьи собственно геральдические и художественно-стилистические особенности нерасторжимы. Это видение герба было положено Лукомским в основу нескольких существенных сочинений («О геральдическом искусстве в России», «Источники русского гербоведения» и др.), а также в разработанную им концепцию геральдической экспертизы (атрибуции предмета по гербу). Тем не менее в тех работах Лукомского, которые имеют характер гербовников, сборников-указателей, гербы неизбежно предстают более или менее сведенными к графическому однообразию, и почти что все внимание уделяется их собственно геральдическому содержанию. Таковы «Малороссийский гербовник», составленный в соавторстве с В.Л. Модзалевским, неопубликованный «Сборник неутвержденных гербов» (в соавторстве с бароном Н.А. Типольтом) и другие работы.

Поначалу между исследовательской и чиновничьей ролями Лукомского сохранялся барьер. Характерно, что его (уже главы Гербового отделения) с Типольтом «Русская геральдика. Руководство к составлению и описанию гербов» (1915) была сугубо неофициальным изданием и отражала упрощенный взгляд на правила, графику и терминологию в геральдике. В своей же государственной деятельности Лукомский не спешил с решительными реформами (за исключением усилий по поднятию художественного уровня работ Гербового отделения).

Февральская революция не прервала трудов геральдического ведомства. Уже при Временном правительстве из гербов, высочайше утвержденных ранее, была официально сформирована XX часть ОГ.

Пользуясь полномочиями коллективного главы государства, приобретенными при отречении Великого князя Михаила, Временное правительство оставило за собой ведение земельными и городскими гербами, а утверждение дворянских передало Сенату (успевшему до своего роспуска пожаловать шестьдесят один герб).

В конце 1917 г. исключительный энтузиазм и исследовательская репутация Лукомского позволили сохранить Гербовое отделение в виде архивно-справочной и музейной структуры — Гербового музея. Лукомскому долго удавалось отстаивать перед новым режимом прикладную полезность геральдической науки для выполнения экспертиз (в основном это были датировки, атрибуции национализированных ценностей и иных предметов по гербовым изображениям), а также культурное и социальное значение геральдических памятников для исторической науки. Читал он до 1920-х гг. и курс геральдики в Петроградском университете (преемнике Археологического института). Гербоведение было терпимо как вспомогательная дисциплина государственной политики в области экспроприации, освоения музейных и архивных собраний и т. д. Ученые издания той поры публиковали гербоведческие статьи, в коллекционерских изданиях обсуждались дворянские гербы (см., напр., рис.2), как и возможность новых, бессловных. К тридцатым годам подобное стало невозможным.

С 1922 г. в штате Гербового музея оставался один Лукомский; в 1931 г. музей был закрыт, часть его фондов расформирована; но на «останках» создавался и просуществовал еще десять лет Кабинет вспомогательных исторических дисциплин с тем же Лукомским во главе и с теми же основными функциями консультативно-экспертного центра. Упразднение Кабинета и гибель уникального личного собрания в одном из множества пожаров, охватывавших осажденный город, явились переломными событиями для Лукомского. После более чем четверти века работы с фондами Гербового отделения он «эмигрировал» в Москву, став преподавателем кафедры вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ (Историко-архивного института) и продолжая гербоведческую работу. Им были опубликованы статьи о гербах Пушкина и Смоленска, создано учебное пособие для студентов МГИАИ — «Эмблематический гербовник» (1944), начата подготовка учебника по геральдике, адресованного архивистам, сделан ряд докладов, раскрывающих вспомогательное значение геральдики. В 1946 г. В.К. Лукомский скончался. Лишь долгие годы спустя его ученице Е.И. Каменцевой удалось возобновить преподавание в МГИАИ основ геральдики, а также, в соавторстве с Н.В. Устюговым опубликовать

учебное пособие «Русская сфрагистика и геральдика»⁸, в целом отмеченное здраво-традиционным пониманием гербоведения.

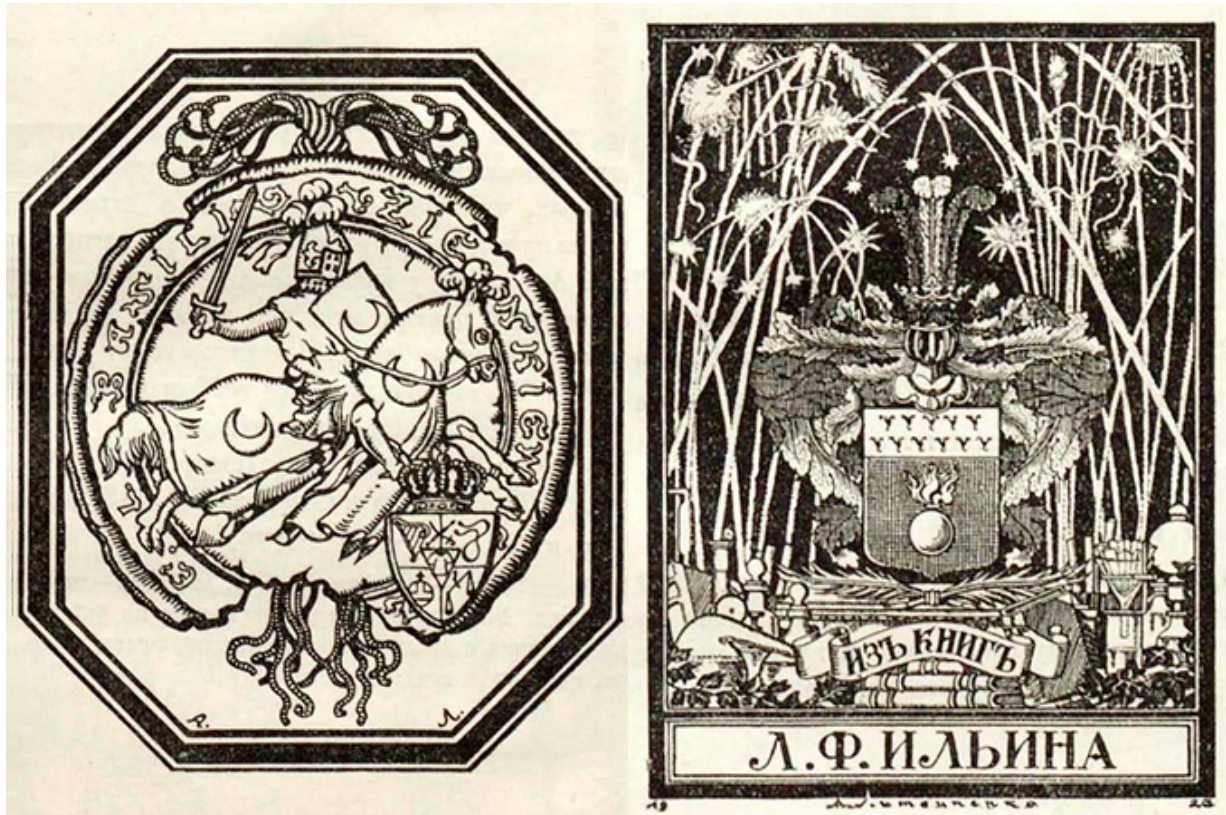

Рис. 2. Примеры гербовой практики раннего советского времени: экслибрисы В.В. Зенкевича (1922 г.) и Л.Ф. Ильина (1923 г.). Художник А.М. Литвиненко

Дореволюционные гербы считались в советской России потерявшими силу, упраздненными. Их даже не удосужились формально отменить. Теоретически гербы губерний и уездов существовали до отмены этих административных единиц, а городские гербы и даже родовые (не как атрибут принадлежности к аннулированному сословию, а как фамильное достояние) сохранялись. На практике, разумеется, употребление этих символов было прервано.

Начиная с 30-х гг. XX столетия господствующим было суждение о геральдике, в том числе и научной, как «бесполезной и ненужной». Дисциплина переживала естественный упадок, а редкие случаи обращения к ней в исторических трудах были, как правило, отмечены стремлением пересмотреть ее «устаревшие» основы и границы. Так, о *древнерусских гербах* писали в середине века А.В. Арциховский и А.А. Ураносов. Позже, в конце 1970-х гг., Г.В. Вилинбаховым была предложена идея отнесения к геральдике иных дисциплин, занимающихся социально значимыми эмблемами (знаменами и флагами, наградами, униформами и т.п.), с созданием общего инструментария этих дисциплин; идея герба, определяемого через социальную функцию обозначения статуса, при этом осмыслялась как надэпохальная, а не узко «феодальная». (Это толкование позволило основать в Эрмитаже семинар «Геральдика — вспомогательная историческая дисциплина», рассматривающий широкий круг эмблематических вопросов, в том числе и собственно гербовых⁹) В конце концов волна массового краеведческого интереса к гербам способствовала относительной легитимизации геральдики; стали появляться популярные публикации. Наконец, подлинной вехой стал выход в свет в 1981 г. обширного труда Н.А. Соболевой «Российская городская и областная геральдика

⁸ Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская сфрагистика и геральдика. М., 1963. В книге присутствует превосходная библиография, не вошедшая, к сожалению, в дополненное издание 1974 года.

⁹ См.: Геральдика. Материалы и исследования. Л., 1987.

XVIII-XIX вв.», помимо большого фактического материала содержащего ценные сведения о связи социально-политических и геральдических процессов.

Несмотря на отдельные успехи и на новые возможности (так, И.В. Борисовым еще в советское время был создан компьютерный указатель к ОГ), приходится признать, что общий уровень российского гербоведения сегодня явно ниже дореволюционного, а подавляющее большинство публикаций по теме является балластом, некачественной данью моде. Даже переиздания старых трудов Лакиера, Лукомского, Арсеньева и фон Винклера уступают оригиналам.

Далее речь пойдет о строении герба и о праве на герб. Излагаются нормы, которые были приняты в России; международный контекст упоминается в тех случаях, когда это может иметь особую эвристическую ценность. Следует помнить, что нет ни одного правила, которое не нарушалось бы. Геральдическая теория ценна, поскольку раскрывает внутреннюю логику традиции, объясняет ее типические черты и помогает систематизировать данные; но разнообразия, которое предлагают геральдические памятники, теория отнюдь не исчерпывает. К тому же средний обладатель герба так же мало задумывался о геральдических правилах, как средний говорящий — о грамматике, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

III. Геральдические правила

Геральдика не признает графических эталонов; изображения одного и того же герба могут существенно различаться. Искони, с XII в., гербы обозначали своих обладателей во всем богатстве их социальных ролей — в бою и в мирной обстановке, в публичной и семейной жизни и т. п. Отсюда — практика воспроизведения герба на самых разных предметах, в разных техниках и, как результат, в различных стилях, пропорциях, в полном или же сокращенном виде. Для исследователя важны как стилистические особенности геральдического памятника, так и чисто геральдические; но крайне важно не смешивать первые со вторыми. Изменение изображения не считается изменением герба, если сохраняются основные характеристики — расцветка деталей, расположение одной фигуры относительно другой и т. п. (см. рис. 3).

Фундаментальные геральдические правила связаны именно с уточнением этих основных характеристик, определяющих «формулу» каждого герба.

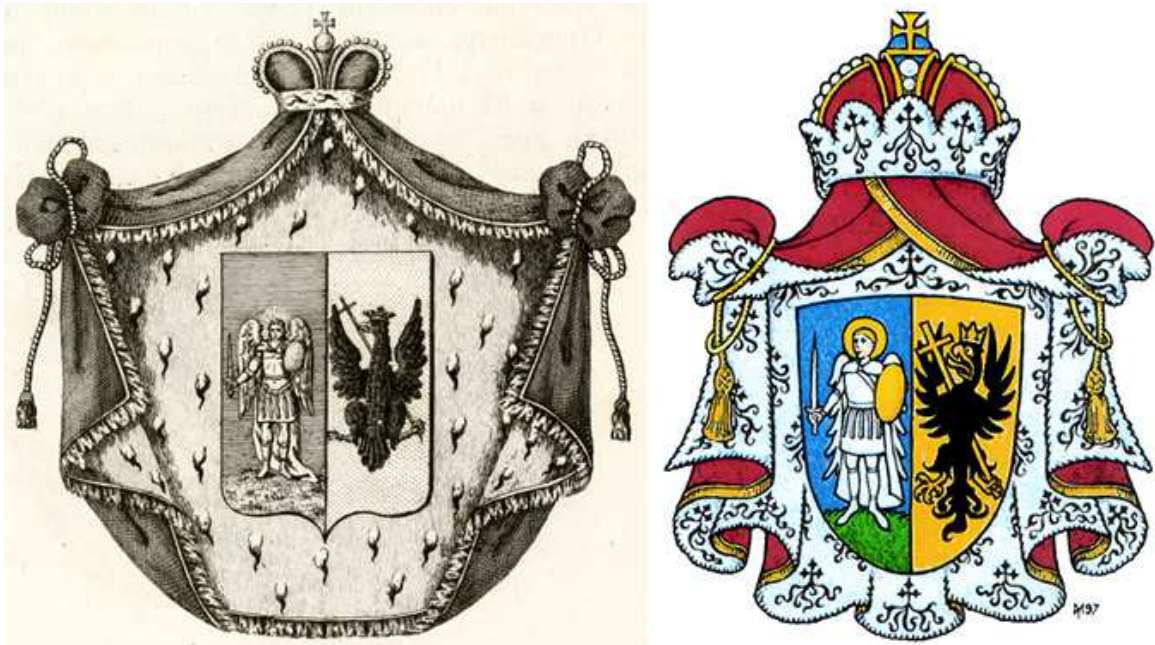

Рис. 3. Герб князей Волконских в Общем гербовнике (ОГ III, 1) и современный дизайн работы М. Медведева

III. 1. Геральдические цвета

В гербах употребляется девять основных геральдических цветов: два «металла» (золото и серебро, с которыми в геральдике отождествляются желтый и белый цвета), пять «финифтей» (червленый, т.е. красный цвет; лазурь, под которым понятием объединены различные оттенки синего и голубого; зелень; черный цвет; пурпур, воспроизводимый малиновым, фиолетовым, сиреневым, розовым и тому подобными оттенками), два главных «меха» (горностаевый в виде белого фона, равномерно покрытого стилизованными черными хвостиками, и беличий в виде серебряных и лазоревых угловатых «шкур»). Существует также несколько дополнительных «мехов» (например, противогорностаевый с черным фоном и белыми хвостиками), применяемых редко.

На случай черно-белого или рельефного изображения герба установлено несколько видов так называемой шафировки — штриховки для обозначения геральдических цветов (см. рис. 4).

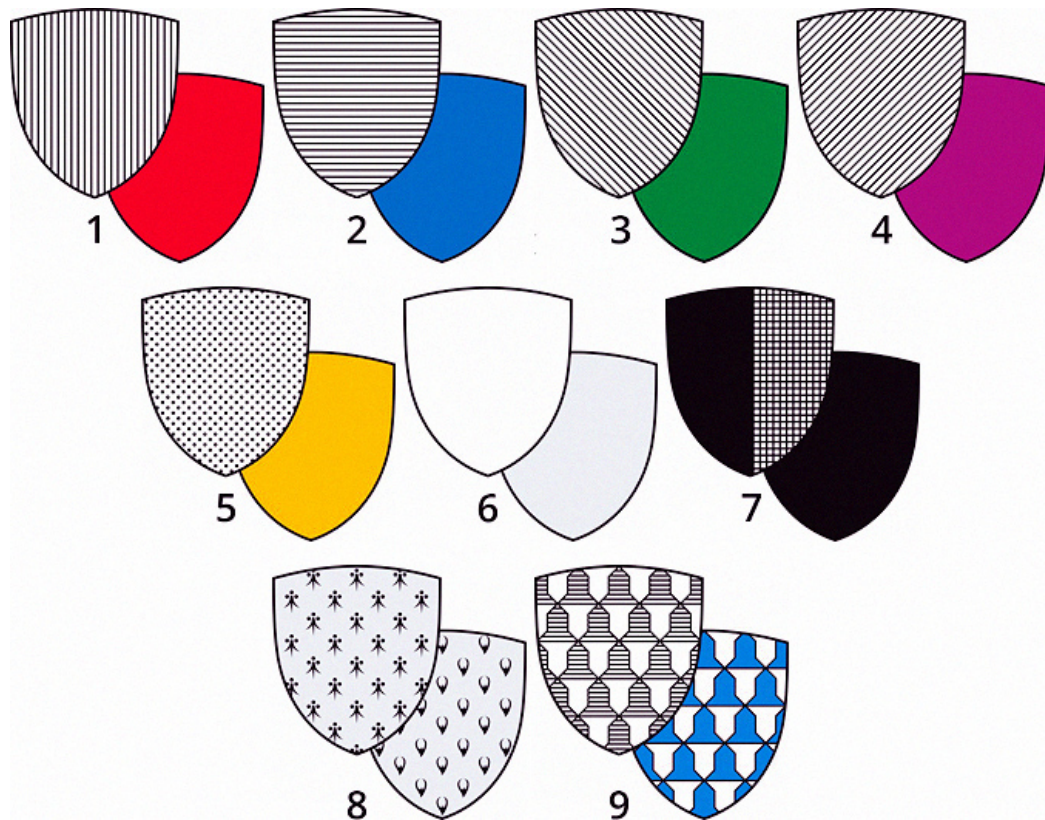

Рис. 4. Геральдические цвета (тинктуры) и шафировка: червлень (рис. 1), лазурь (рис. 2), зелень (рис. 3), пурпур (рис. 4). Золото изображается поверхностью, покрытой точками (рис. 5), серебро — незаштрихованной поверхностью (рис. 6). Черный цвет изображается поверхностью, закрашенной сплошь, а при рельефном воспроизведении — пересекающимися линиями (рис. 7). На рис. 8 показаны два основных типа воспроизведения горностаевого меха (его черные хвостики шафируются сеткой крайне редко); на рис. 9 — беличий мех.

Помимо геральдических цветов, в гербах встречается также и натуральные или естественные — например, телесный для изображения человека. Однако очень часто натуральный следует понимать как геральдический цвет, ближайший к реальной расцветке изображаемой фигуры — например, естественный дуб имеет зеленую листву, естественное солнце — золотое и т. п.

Изображение герба может украшаться дамасцировкой — узором, покрывающим поле или фигуру, и имеющим тот же геральдический цвет, что и это поле или фигура (но другой оттенок этого цвета). Дамасцировка не учитывается в «формуле» герба и играет чисто декоративную роль.

«Основное правило геральдики» гласит: металлическая фигура не должна помещаться в металлическом поле (т.е. на металлическом фоне), а финифтяная — в финифтяном. Вопреки традиционному названию, это правило чрезвычайно часто нарушалось. К тому же оно применяется ограниченно, не будучи относимо к составным (металлическо-финифтяным) полям и фигурам, к вспомогательным фигурам и элементам фигур и т. д.

III. 2. Щит

Щит — основной и обязательный элемент герба, представляющий собой условное пространство для размещения гербовых полей (фонтов) и фигур. Обычно (но не всегда) этому пространству придаются очертания, напоминающие о средневековом боевом или турнирном щите; отсюда и название. Есть несколько наиболее часто употребляемых форм щита, часто именуемых (весьма неточно и нетвердо) по странам Европы. Форма щита не фиксируется, при воспроизведении герба она может свободно меняться от случая к случаю, по прихоти художника или заказчика изображения. Есть, однако, особый тип щита — ромбоидальный; он употребляется в родовой геральдике, исключительно в женских гербах, по преимуществу — девицами и вдовами. Овальный и круглый щиты считаются нейтральными: они могут употребляться и как обычные, и как женские, вместо ромба.

Различные участки щита имеют особые названия: верх — это глава, низ — оконечность, середина — сердце и т. д.; есть четыре угла, подразумеваемые и тогда, когда щит изображен круглым. Правой стороной в щите (и вообще в гербе) именуется сторона, расположенная слева от зрителя, и наоборот! Подразумевается, что стороны определяются относительно хозяина герба, находящегося за гербовым щитом.

В гербе чаще всего присутствует один щит, но иногда (в результате соединения нескольких гербов в одном) их бывает два, три и т. д.; в Большом гербе Российской империи их более двадцати. Как правило, если в гербе два щита, один изображается маленьким (так называемый щиток) и помещается на фоне другого (обычно — «в сердце», получая название сердцевидного щита). При этом он считается не фигурой в поле большого щита, а отдельным, самостоятельным щитом.

Теоретически щит может быть одноцветным, без изображений, но в России таких гербов не бывало: щит либо был разделен на разноцветные участки, либо украшен фигурами, весьма часто фигуры и деления сочетались.

Основные способы деления щита — по вертикали (щит рассечен), по горизонтали (пересечен), по диагонали (скошен справа, слева — имеется в виду геральдическая сторона). Если щит одновременно рассечен и пересечен, его именуют четверчастным, разделенным начетверо или же расчлененным; если скошен справа и слева — разделенным накрест или в андреевский крест.

Возможны различные сочетания делений; одинаковые деления могут повторяться многократно. Если иное не оговаривается особо, щит делится на одинаковые по ширине участки. Обычно деление совершается прямой линией, но существует множество допускаемых в геральдике узорных делений в виде различного вида зубцов, волн, дуг.

Из числа гербовых фигур выделяются так называемые геральдические; это абстрактно-геометрические формы, в основном образуемые делениями. Их иное название — почетные фигуры (не потому, что они почетнее прочих, но, поскольку они не обозначают конкретных предметов и существ, весь их смысл сводится к почетности, вообще присущей гербам как предметам гордости их обладателей)¹⁰. Важнейшие геральдические фигуры — столб (вертикальная полоса), пояс (горизонтальная), правая и левая перевязи (диагональные), крест (образованный столбом и поясом), андреевский (косой, «косвенный») крест, глава (отделенный верх щита), оконечность (низ щита), кайма (полоса по краю щита), стропило (две полосы, соединенные под углом), см. рис. 5. Как и деления, такие фигуры могут повторяться в пределах щита, сочетаться с другими фигурами и иметь ровный либо узорный край.

Прочие фигуры именуются негеральдическими и делятся на естественные (лев, дракон, ангел, молния, звезда и т. п.) и искусственные (стена, меч и т. п.) Иногда из числа естественных фигур выделяют «сверхъестественные» или «фантастические», но такая классификация всегда чревата неуместным анахронизмом, т. к. на протяжении геральдической истории представления о естественности и правдоподобии слишком существенно менялись.

¹⁰ Ю.В. Арсеньевым был предложен альтернативный термин «гербовые фигуры», довольно удачный, но пока не прижившийся.

Установлен традиционный набор позиций, в которых предстают геральдические животные. Так, четвероногие могут быть *восстающими* (вставшими на дыбы), *идушими* (стоящими на трех лапах, одна из передних поднята в шаг), *стоящими* (на четырех лапах), *скачущими*, *сидящими*, *лежащими*; другие позиции более редки. Твари также могут быть *обернувшимися* (глядящими назад) или *повернувшими морды к зрителю*. При этом позиция понимается условно, без графической фиксации деталей; так, восстающий зверь может равно изображаться опирающимся на обе задние лапы или на одну, значительная свобода допускается в расположении хвоста и т. п. Орел, как правило, предстает фронтально (лишь голова его обращена в профиль), распростершим и воздевшим крылья.

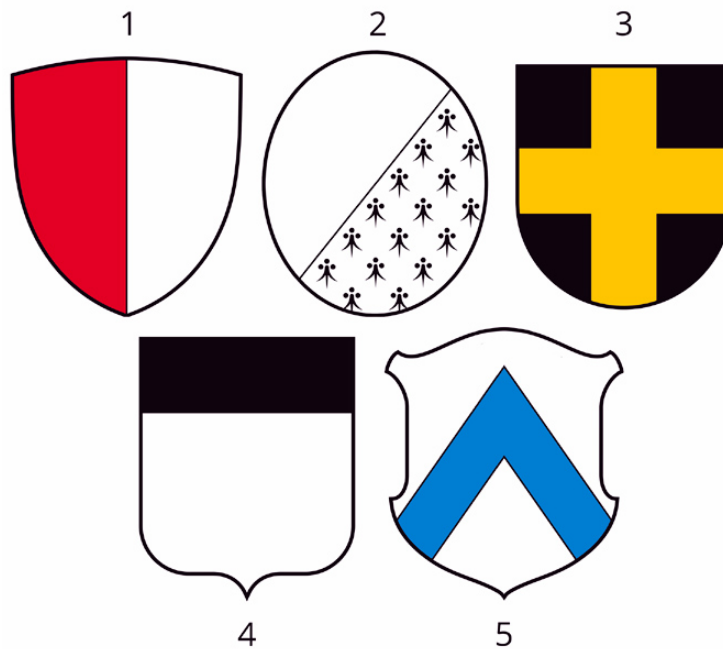

Рис. 5. Примеры деления и геральдических фигур:

1. *Щит, рассеченный червленью и серебром.*
2. *Щит, скошенный слева серебром и горностаем.*
3. *В черном поле золотой крест.*
4. *В серебряном поле черная глава.*
5. *В серебряном поле лазоревое стропило*

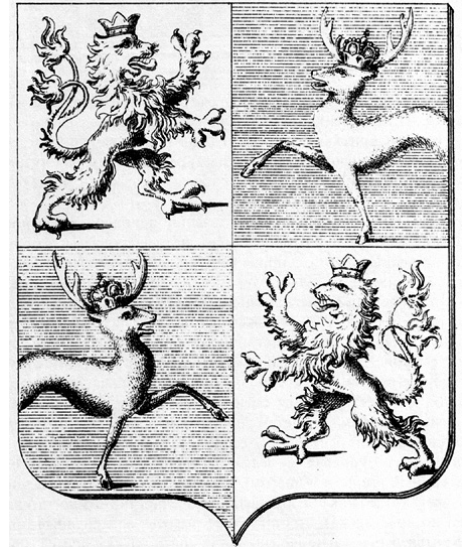
Расцветка гербовых животных часто приближена к природной. Так, большинство медведей — черные (не считая «натуральных», которые также обычно изображались черными). Но в принципе расцветка может быть любой; и лазоревый или полосатый серебряно-червленьый левы столь же геральдически корректны, как и золотой.

Детали изображений животных можно выделять цветом, отличным от основного. У каждого из важнейших гербовых животных есть традиционный набор частей тела, наиболее часто выделяемых другим цветом, — так называемые *вооружения*. У льва это — когти и язык, иногда также зубы и глаза; у коня — копыта, иногда также глаза, грива, язык и хвост, у кабана — клыки, копыта, щетина на спине и иногда язык и гениталии; у орла — клюв, язык, лапы (от «локтя»), и т. п. Животное не обязательно вооружено лишь одним цветом: российский государственный орел имел золотые клювы и лапы, но червленьые языки.

Рис. 6. Геральдическое вежество в титульном гербе императора как герцога Курляндского и Семигальского

Правая (геральдическая) сторона считается передней; когда щит с гербом закрывал левый бок рыцаря, так оно и было. Поэтому живые существа и оружие обычно не принято изображать повернутыми влево, как бы отступающими (если только такой поворот не обусловлен так называемым «геральдическим вежеством», т. е. поворотом навстречу другой фигуре; см. рис. 6). Однако в русской геральдике (до Кёне) обращенные влево фигуры весьма часты и бегства отнюдь не символизируют.

Щит может быть и многопольным, т. е. разделенным на четыре четверти или же на какие-либо иные близкие по размеру части, в которых расположены самостоятельные геральдические композиции. При этом герб, как правило, считается составным, а каждая из частей щита — содержащей отдельный герб. Исторически такие геральдические построения возникли в результате попадания к одному лицу прав на несколько разных гербов. Позднее возникли многопольные гербы, части которых никогда не употреблялись по отдельности и являются различными гербами лишь в теории. Наиболее типично четверчастное деление, если объединяются два герба, то важнейший занимает первую (геральдически правую верхнюю) и четвертую (левую нижнюю), а менее важный — вторую и третью. Но разнообразие вариантов многопольного деления неисчерпаемо.

III. 3. Прочие элементы герба

Помимо щита, в состав герба могут входить шлем, нашлемник, намет, корона (или аналогичный венчающий элемент — бурлет, шапка), щитодержатели, девиз, мантия, а также особые дополнения — награды, должностные знаки и пр.

Шлем в России является принадлежностью родовых и личных гербов. Единственный городской шлем в официальной истории российских гербов был подтвержден Ревелю (ныне Таллинн) в 1730 г. Чаще всего встречается заимствованный из средневропейской традиции «турнирный» дворянский шлем — стальной (что в случае со шлемами изображается натуральным серо-синеватым колером), с золотой решеткой забрала и золотыми украшениями. В жалованных гербах XVIII в. встречается и другой тип дворянского шлема, заимствованный из Франции — «закрытый» или «копьевой». Для титулованной знати был предусмотрен серебряный шлем с золотыми украшениями, но часто его место занимал простой дворянский. Не обходилось без исключений: турнирный шлем в гербе графов Головкиных (ОГ I, 16) — стальной, без золотых деталей; баронам Вейсманам фон Вейсенштейнам (ОГ III, 23) был пожалован золотой шлем, положенный в принципе только членам владетельных династий. Во второй пол. XIX — нач. XX в. в гербы старых русских родов иногда вносились русские шлемы (ерихонки) — стальные с серебряными украшениями для нетитулованных дворян (см. рис.7), стальные с золотом для баронов и графов, серебряные с золотом для князей; в гербы Империи, императора и членов августейшей фамилии вошел так называемый «шлем св. Александра Невского» — парадная царская ерихонка XVII в. В гербах родов восточного происхождения изредка можно встретить ориентальные типы шлемов (князя Чингисы (ОГ XII, 12), князя Чегодаевы (ОГ XVI,2) и др.).

Шлем располагается над щитом, обычно анфас, иногда — в профиль; если шлемов несколько, они поворачиваются навстречу друг другу (при нечетном их числе средний остается повернутым прямо).

Рис. 7. «Древле-русский» шлем и щитодержатели, указывающие на принадлежность рода к старому дворянству, в гербе Молоствовых (ОГ XIV, 13)

Нашлемник¹¹ — фигура (или несколько фигур), венчающая шлем; чаще всего это плюмаж. Три серебряных страусовых пера стали настолько стереотипными для русской дворянской геральдики, что в сер. XIX столетия пожалование гербов с такими нашлемниками было на время прекращено, и даже при переутверждении старых гербов серебряные перья стали заменять разноцветными. Иные характерные типы нашлемников — рука с мечом (саблей), пара крыльев (так называемый лёт). Над шлемом может повторяться фигура гербового щита, но столь же обычны и нашлемники с совершенно самостоятельными изображениями.

Намет — шлемовое покрывало, изорванное в клочья и чаще всего изображавшееся в виде прихотливого орнамента, подобного растительному. В большинстве случаев намет имеет верхнюю сторону расцвеченной главной финифтью герба, а подкладку в цвет главного металла. Очень редки примеры намета, украшающего герб самостоятельно, без шлема (как у баронов Фредериксов — ОГ I, 35).

Короны являются атрибутами достоинства, обозначают дворянство или же титул обладателя герба (от баронского до императорского, см. рис. 5), иногда — титул, принадлежавший роду в прошлом. В земельных и городских гербах короны указывают на административный статус или на титул, исторически с регионом связанный. В полном гербе дворянская корона, как правило, венчает шлем, так что нашлемник (если он есть) выходит из нее. Баронская и графская короны обычно располагаются между щитом и шлемом и при этом повторяются на шлеме, но могут и занимать лишь одну из этих позиций.

Если шлемов несколько, корона, указывающая на родовой титул, может венчать лишь один из них (см. рис. 8); в противном случае имеется в виду, что хозяин герба имеет более одного титула. Это правило, однако, было несколько раз нарушено при пожалованиях начала XIX в., а в Финляндии оно не соблюдалось вовсе.

¹¹ В наши дни часто и неверно именуется клейнодом. В русском языке (в том числе официальном) значение этого слова иное: атрибуты власти (монаршие регалии и, особенно, инсигнии казачьих войск — насеки, булавы и т. п.); см. блазон герба графа А. Разумовского в Приложениях.

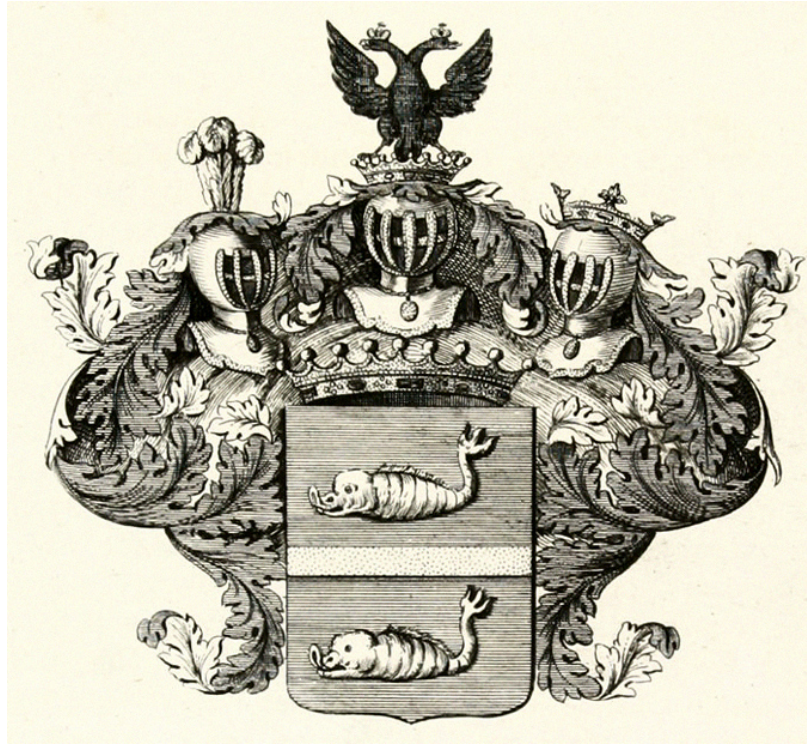

Рис. 8. Герб графов Паниных (ОГ I, 25). Венчающая щит графская корона повторена только на среднем шлеме. Второй шлем вовсе не имеет короны, на третьем — дворянская

В отличие от титульных корон, обычная дворянская корона могла повторяться в гербе несколько раз и не имела «счетного» значения, т.к. быть дважды российским дворянином было невозможно.

Разновидностью корон являются княжеские шапки. Они могут венчать как щит, так и шлем, но обычное их место — над мантией (см. ниже). Некоторые княжеские роды пользовались особыми типами шапок и корон, отличавшимися от обычных (Черкасские (ОГ II, 9), Ширинские-Шихматовы (ОГ X, 95)). Все члены правящей династии помещали в своих гербах императорскую корону (о причинах этого см. ниже).

Бурлет — жгут, свитый из разноцветных лент (обычно в цвета намета), венчающий шлем вместо короны и служащий дворянским атрибутом.

Если герб изображается в сокращенном виде, то шлем нередко бывает исключен из композиции, а венчающая его корона или шапка оставлена и помещена над щитом. Отделять подобным образом бурлет от шлема в русской геральдике не принято. Но теоретически бурлет представляет собой такой же отдельный структурный элемент герба, как и корона.

Если же шлем увенчан головным убором, вовсе неспецифичным для традиции гербовых корон (меховой шапкой, воинской каской и пр.), этот убор считается частью нашлемника.

Следует заметить, что в Средней Европе бурлет и «закрытый» шлем считались недворянскими, бюргерскими гербовыми атрибутами, в России они были знаками дворянства.

Щитодержатели, или фигуры в опорах щита — почетные элементы герба, в виде существ (ангелов, людей, животных, чудовищ), поддерживающих щит по сторонам. К XIX столетию право на щитодержателей имели только титулованные особы, представитель старого дворянства (VI часть родословной книги; см. рис. 7), а также те, кому щитодержатели были Высочайше пожалованы в знак особой милости. За редкими исключениями, щитодержатели включались в герб парами — по одному с каждой стороны щита. Щитодержатели имеют подножие (обычно в виде земли с травой или орнаментального цоколя). В русских городских гербах щитодержатели были редкостью: их утверждение последовало лишь для Выборга (имевшего их еще со шведских времен) и Екатеринодара. Щитодержатели Риги были по недоразу-

мению «засунути» в щит при перепожаловании герба, Митава (ныне Елгава) пользовалась фигурами в опорах щита без высочайшего утверждения.

Девиз — изречение (призыв, нравоучительная формула, исторический афоризм и т.п.), помещаемое в гербе на ленте под щитом (гораздо реже — над щитом или вокруг щита), Надпись — черная на серебряной ленте или же согласована со щитом: литеры по цвету соответствуют главной фигуре, лента — полю щита; первое наиболее характерно для гербов, составленных до сер. XIX в., второе — для более поздних. В некоторых гербах девиз теряет значение самостоятельного структурного элемента и помещается в пределах гербового щита (гербы Копьевых (Копиевых; ОГ VII, 92), графов Витгенштейнов (ОГ XX, 10), две последних версии герба Суворова (ОГ II, 14 и ОГ IV, 7) и др.; вообще подобный прием в гербоведческой традиции не одобряется) или в пределах иной части герба (в императорском гербе — на краю купола сени).

Пурпурная («багряная», «малиновая») мантия с горностаевой подкладкой, золотыми бахромой и шнурами, характерным образом задрапированная, увенчанная княжеской шапкой и образующая фон для основной части герба, является атрибутом княжеского достоинства. Тем не менее многие нетитулованные дворяне, как владетельного, так и более скромного происхождения, особенно в XVIII в., неофициально пользовались мантиями (обычно под дворянскими коронами) в своих гербах. В 1797 г. право на мантию с княжеской шапкой было распространено Павлом I на роды, произошедшие от удельных князей Древней Руси, но утратившие княжеские титулы; во второй пол. XIX в. эта привилегия стала распространяться на иные роды, имеющие владетельное происхождение; последовало ее признание за некоторыми потомками татарских, кавказских, древнерусских правителей.

Для гербов Империи, императора и старших по статусу членов династии была установлена *сень* (мантия-шатер с куполом, традиционный символ суверенной власти; согласно узаконению 1856 г. — «золотая, коронованная Императорскою короною, усеянная Российскими двуглавыми орлами и подложенная горностаем»). Младшие члены династии получили право лишь на золотую, с орлами, мантию.

Кроме того, в гербах могут появляться дополнительные почетные элементы, иллюстрирующие положение обладателя герба в административной иерархии или системе формальных почестей. Наиболее типичные примеры — орденские знаки в личных гербах кавалеров, фельдмаршальские жезлы, расположенные накрест позади щита, в гербах генерал-фельдмаршалов. В Большом государственном гербе с 1856 г. позади сени помещалась «государственная хоругвь» как особый атрибут верховной власти. Существовали, хотя на практике употреблялись и нечасто, особые женские атрибуты: венок для девиц, «шнур любви» для замужних дам. Их систематическое употребление было введено лишь для членов Императорского дома. Иногда же почетные элементы были не стереотипными, а индивидуальными (как пара знамен в гербах графов Чернышовых (ОГ I, 20 и XVI, 4).

Развитая система подобных дополнений к гербам была установлена Александром II в территориально-административной геральдике (см. в Приложениях). В 1882 г. в Государственный герб, как логическое завершение этой системы, был внесен лаврово-дубовый венок.

Как уже указывалось, воспроизведение герба в сокращенном виде, без одного или нескольких структурных элементов, — частый и вполне допустимый прием. Чрезвычайно типично изображение на предметах дворянского быта только щита под короной или же щита, шлема, короны и нашлемника с исключением намета. Довольно часто в качестве отдельной эмблемы использовалась геральдическая корона, то в одиночку, то над монограммой (так поступали и дворяне, вовсе не имевшие герба). Гораздо более редким в России является использование отдельно взятого нашлемника, обычно с короной достоинства, которая служит ему основанием.

Порой на геральдических памятниках (предметах быта, экслибрисах и др.) второстепенные элементы герба не исключаются, но изображаются в вольной манере, без соблюдения геральдических правил (например, животные-щитодержатели не держат щит, а «гуляют» подле него) и т. д. К подобным вольностям, если они проявлялись в сугубо неофициальной обстановке, гербовая традиция всегда относилась терпимо.

IV. Блазон

Блазоном именуется лаконичное описание герба, выражающее его «формулу», геральдически значимые характеристики (и при этом игнорирующее характеристики изображения, не имеющие геральдического значения или же тривиальные и потому подразумевающиеся). Блазон составляется с учетом геральдических правил и обычно с использованием специальных геральдических терминов. При утверждении герба традиция требует приведения в документе как изображения, так и блазона, причем именно последний играет главную роль, тогда как рисунок служит поясняющей иллюстрацией.

Ранние русские блазоны в большинстве своем не вполне удовлетворяли этим требованиям: терминология была еще не разработана и нестабильна, описание часто оказывалось смешано с толкованием символики, цвета фигур и второстепенные детали композиции оставались неупомянутыми. К тому же четкость гербоведческих воззрений у многих авторов описаний оставляла желать лучшего. При Екатерине II искусство составления официальных блазонов даже претерпело упадок. И, наконец, такие гербы, как у дворян Путиловых (ОГ IV, 60), городов Туринска и Инсара, содержали невразумительные пейзажные картинки, вовсе не поддающиеся точному блазонированию всех деталей.

В сер. и второй пол. XIX столетия стараниями Б.В. Кёне российская практика блазонирования стала совершенствоваться, заимствуя опыт европейских стран, в которых гербоведческая терминология складывалась и оттачивалась веками. Разрозненные попытки упорядочить терминологию предпринимали как официальные геральдисты, так и авторы частных исследований; сведение всех этих усилий воедино наметилось, но не осуществилось в начале XX в.

Рис. 9. Герб Якутска

При блазонировании игнорируется не только то, что гербоведчески несущественно, но и то, что тривиально. Например, в блазоне герба Орловых (ОГ I, 23, 24) («В щите, девять раз пересеченном золотом и лазурью, — червлёный орел») не описывается ни то, что щит пересечен на равные по ширине части, ни то, что орел изображен с распростертыми в стороны крыльями и лапами (обычная «поза» гербового орла), ни то, что его голова повернута геральдически вправо: все это подразумевается по умолчанию. Ср., однако, непрофессионально составленное официальное описание герба Якутска, утвержденное в 1790 г.: «В серебряном

поле орел, держащий в когтях соболя» (см. рис. 9). Здесь не отражены особенности, явствующие из изображения (орел смотрит влево, обе его лапы вытянуты вперед, т. е. тоже влево), не оговорена расцветка фигур.

Неловко составленные блазоны конца XVIII — нач. XIX в. приводили к путанице. Бестия в гербе Керчи (1845 г.) описана как грифон, в действительности же, согласно высочайше утвержденному подлиннику, она представляет собой так называемого «дракогрифона» с перепончатыми крыльями и жалом на хвосте. Но из-за небрежных перерисовок это обстоятельство оказалось крепко забытым уже в XIX веке. В гербе Иркутска (пожалован в 1790 г.) главной фигурой стал тигр; в описании его обозначили диалектным словом «бобр». В результате к 1830-м гг. официальные геральдисты стали считать этого зверя бобром, а в самом Иркутске, напротив, бабра переосмыслили как фантастического зверя, имеющего скорее куньи, нежели кошачьи черты.

Немало хлопот исследователю, работающему с блазонами, могут доставить мечи: это слово равно применяется к разным типам мечей, саблям, шпагам, шашкам; и наоборот, можно встретить саблю, описанную как шпага. Для гербов наиболее типичны условные геральдические прямой меч и меч с искривленным клинком, идентифицируемый с саблей, но встречаются и исторически конкретные тесаки, палаши и т. п.

Некоторые любопытные особенности утвердившегося с сер. XIX в. блазонного языка, определяемые международной традицией и средневековым наследием, довольно курьезны. Так, если лев в щите изображен *восстающим* (на дыбы; см. рис. 10) с головой в профиль, то это считается его обычной позой и не описывается; если же лев оказывается *идушим* и его морда повернута к зрителю, он блазонируется как *леопард*. Восстающий лев с мордой анфас — это *львиный леопард*, идущий с мордой в профиль — *леопардовый лев*. При этом речь идет о чистой терминологической условности, биологические различия не подразумеваются. Некоторую путаницу вносило появление в гербах настоящих леопардов; они должны именоваться *натуральными леопардами* или *барсами*, но иногда составители блазонов забывали об этом.

Рис. 10. Восстающий лев с двойным хвостом и секирой на искривленном древке в лапах: эскибрис барона Ф. фон Мейендорфа (герб сокращен: опущены дополнительные поля, шлемы и т. д.)

Несколько иные правила относятся к щитодержателям — их обычное положение соответствует восстающему, так что вставший на задние лапы лев с мордой анфас в опоре щита именуется леопардом без эпитета «львиный».

Дракон имеет две лапы; если же он четвероног, его следует именовать *крылатым змеем* (иногда — просто *змеем*, в отличие от обычной *змеи*). Дракон и змей, как правило, одноглавы. Многоглавой, без лап, с крыльями или же без них, изображалась гербовая *гидра*.

Слова *гриф* и *грифон* употребляются как синонимы, для обозначения фантастического полу-орла, полу-льва.

Порядок блазонирования частей в многопольном щите сходен с порядком чтения текста (см. рис. 11); если присутствует сердцевой щиток, то он может быть описан и в самом начале, и после описания большого щита.

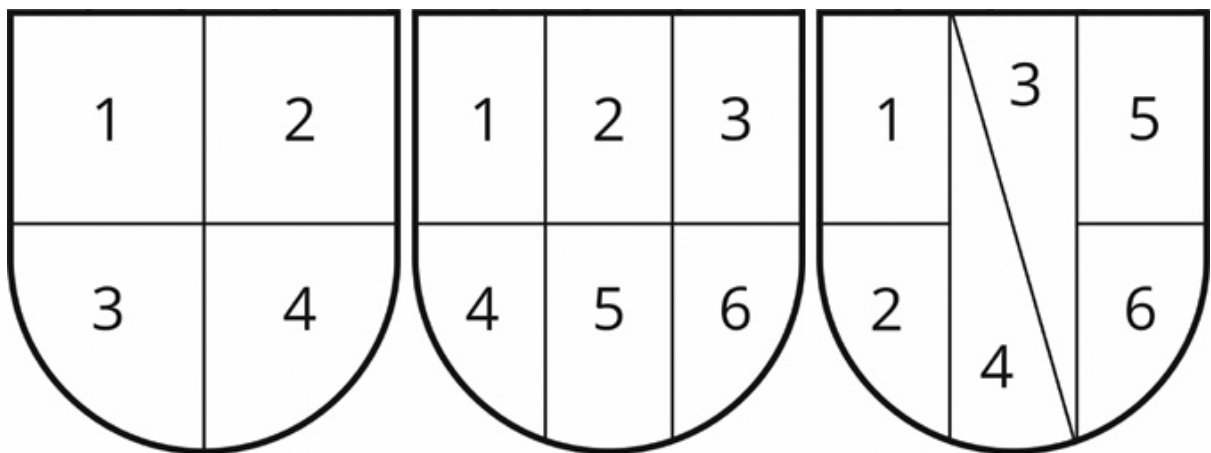

Рис. 11. Порядок блазонирования частей щита

При блазонировании нескольких (например, пяти) шлемов сначала описывается средний, затем находящийся геральдически справа от среднего, затем находящийся слева, затем крайние справа и слева.

Существуют также особые нормы блазонирования корон. Например, описывая количество зубцов на короне, упоминают лишь *видимые* зубцы (как правило, те, которые находятся на передней стороне обруча короны).

Гербоведу необходимо владеть блазонным языком как пассивно (зная особенности исторической русской терминологии), так и активно, ориентируясь на официальные блазоны второй пол. XIX — нач. XX в., наработки дореволюционных ученых и, в идеале, непосредственно на то, что служило ориентиром для чиновников и ученых: на опыт традиционного западноевропейского блазонирования (с привлечением французских, немецких либо английских примеров).

V. Право на герб

Гербовое право является одним из важнейших компонентов геральдики, отражая эмблематическую, «хозяйскую» природу герба, и всегда должно учитываться исследователем. Отчасти оно закреплено законодательно, отчасти относится к *обычному*, неписаному праву.

V. 1. Родовые гербы

Существует распространенное заблуждение, согласно которому герб обязательно должен утверждаться верховной властью, и, таким образом, в основе права на герб всегда лежит высочайшее пожалование. Это совершенно неверно. Согласно фундаментальным нормам гербового права, в полной мере применимым к России, герб, самостоятельно принятый его обладателем, имеет силу, если таковое принятие не воспрещено местным законодательством, если аналогичный герб не используется кем-либо другим и если в принятом гербе не присутствуют особые почетные элементы, на которые этот обладатель герба не имеет прав. Гербы, утвержденные верховной властью, имеют преимущество перед неутвержденными, но (если иное не установлено законом, т.е. той же верховной властью) не вытесняют неутвержденные гербы за пределы допустимого. Еще при Петре I была объявлена незаконной узурпация чужого герба; самостоятельное принятие герба было при этом упомянуто (как действие, при котором может произойти правонарушение), но не запрещено само по себе. И неудивительно: пожалования гербов в ту пору совершались крайне редко и удовлетворить потребность российских дворян никак не могли. Последующие акты, касавшиеся гербов, также не содержали воспрещений неутвержденных («самобытных»). На протяжении XVIII столетия самобытные гербы безусловно доминировали в российской родовой геральдике.

Павлом I была предпринята попытка упорядочения всей дворянской геральдики, и манифест 1798 г. определил, что гербы всех дворянских родов должны быть внесены в высочайше утверждаемый Общий Гербовник. Но до этого внесения (которое не могло совершиться сразу же и неизбежно растягивалось на долгие десятилетия) не теряли силы ни самобытные гербы, ни гербы, пожалованные ранее (их также предполагалось внести в ОГ, утвердив повторно). Таким образом, упразднение самобытной геральдики было запланировано, но отложено на неопределенный срок, и неутвержденные гербы продолжали вполне законно играть значительную роль в жизни российского дворянства.

Право на герб в дореволюционной России связывалось с принадлежностью к дворянству. Эта связь между «геральдической способностью» (*sapacité héraldique*) и сословным статусом может показаться тривиальной, но в действительности требует пояснений.

Дело в том, что в большинстве европейских стран герб не является (и не являлся исторически) исключительно дворянским атрибутом. Существовали и пользовались официальным признанием бюргерские, крестьянские и тому подобные гербы; таковы были, в частности, порядки в Австрии, чье влияние на складывание российской гербовой системы было весьма немалым. Но в некоторых странах — Шотландии, Португалии — дворянству удалось добиться признания права на герб в качестве своей исключительной привилегии. В Речи Посполитой этот принцип утвердился с особым успехом. Недворянские знаки, близкие к гербам, были рано и четко осознаны поляками как относящиеся к иным, параллельным эмблематическим системам (система «гмерков» и т. п.), а герб устойчиво рассматривался как «украшение шляхетства», каковое воззрение существенно повлияло на настроения русских дворян и на русскую геральдику. Общественное мнение нашло отражение в законах, игнорировавших тему «неблагородных» гербов. Екатерининское законодательство о дворянстве рассматривало использование герба в роду как одно из вспомогательных доказательств благородного происхождения, т.е. закон косвенно отказывал недворянской геральдике в праве на существование. Прямого законодательного запрета так и не последовало. В сер. XIX в. даже обсуждался проект, предусматривавший пожалование гербов почетным гражданам. В качестве маргинального явления недворянская геральдика в России существовала *de facto* (так, прибалтийские не-

дворяне, до прихода русских гербы имевшие, в основном сохраняли таковые, не получая признания государства).

С собственно недворянскими гербами не следует смешивать гербы, употреблявшиеся лицами, не признанными в российском дворянстве, но претендовавшими (обоснованно или нет) на благородный статус.

Гербовые пожалования личным дворянам, насколько известно, не испрашивались и не совершались, хотя теоретически были вполне возможны. Вероятно, это объясняется тем, насколько идея герба была связана в массовых воззрениях с идеей рода.

Дворянские гербы в России понимались как общеродовые. В этом они сходны с дворянскими фамилиями (хотя следует учесть, что в России герб не был так жестко привязан к родовому имени как в некоторых странах Запада). Герб, принятый кем-либо или пожалованный кому-либо, переходил ко всем его законным (или узаконенным) потомкам по мужской линии, т.е. от отца к сыновьям и дочерям. Несмотря на то, что высочайшие пожалования совершались как дворянским родам, так и отдельным лицам, в обоих случаях подразумевалась передача герба всему потомству — в первом случае родоначальника, во втором — пожалованного лица. Лишь иногда, если герб был связан с передающимся по первородству титулом, специальные условия пожалования такого герба предусматривали его использование одним человеком в роду (главой рода или определенной его ветви).

Эта черта русского гербового права сближает его с законами и обычаями стран-соседей, прежде всего Германии и Скандинавии¹². Иные правила соблюдаются в Британии и среди высшей французской знати: собственно родовым гербом может пользоваться только глава рода (или по крайней мере старшая ветвь), младшим членам полагается вносить в свои гербы специальные отличительные знаки. Дворянский род мыслится при этом как маленькая династия со своим *pater familias* во главе, которому и принадлежит полнота родовой репрезентации. В российской же геральдике «со-представителями» дворянского рода являются все его члены, в том числе и женщины. Последние сохраняли право на свой первоначальный родовой герб даже в браке, однако не могли передать его детям.

Передача герба по женской линии допускалась лишь в виде исключения, обычно — в дополнение к передаче фамилии, и каждый раз должна была оформляться через *новое пожалование*. Муж «сообщал» право на свой герб жене, которая могла соединить этот герб с «девичьим» (если таковой имелся) в особом, составном супружеском гербе. Подробнее об особенностях женских гербов см. ниже.

Внебрачное потомство не наследовало никаких родовых привилегий, в том числе гербовых прав (в отличие от многих западных стран, где существуют общие правила изменения родового герба при передаче его бастарду). Если бастард получал герб, сходство с гербом предков могло как наличествовать (графы Перовские (ОГ XI, 22), Полугарские (ОГ III, 144) и др.), так и отсутствовать совершенно (Ранцовы — ОГ IX, 151). Император всегда сохранял право узаконения внебрачного потомства с полным (как в случае с Афанасием Фетом, который «стал» Шеншиным) или частичным (Каменские, потомки графов Каменских) признанием отеческих прав. (Кроме того, к концу имперского периода законом было введено автоматическое признание *добрачных* детей в полноте родовых прав (включая гербовые) по суду.)

Точно так же император имел право, в порядке исключения, передать герб по женской линии. Обычно это совершалось ввиду совершившегося или ожидаемого пресечения рода, имеющего передаваемый герб, и вместе с передачей фамилии (ветвь дворян Ладыженских стала княжеским родом Ромодановских-Ладыженских и получила жалованный герб (ОГ IV, 5), составленный из высочайше утвержденного ранее герба Ладыженских (ОГ II, 49) и самобыт-

¹² В некоторых странах Запада, включая Речь Посполитую, допускалось использование «генеалогического» герба, в котором собственный герб обладателя без какого-либо разрешающего акта дополнялся гербами его предков по женским линиям, иллюстрируя родословную роспись. В основе этого обычая — другой, более давний, побуждавший в знак безупречного происхождения рядом с собственным гербом помещать гербы четырех, восьми либо шестнадцати благородных предков (род отца, т.е. свой, род матери, род матери отца и так далее); со временем появилась и полуофициальная практика соединения этих гербов в одном. Русское гербовое право этого не допускало (хотя в частной практике родов польского, литовского, белорусского происхождения еще долго сохранялись старые обычаи). О своеобразии польских геральдических традиций см. ниже.

ного герба Ромодановских, графы Кушелевы-Безбородко на основании императорского дозволения самостоятельно объединили оба соответствующих герба (ОГ II, 84 и I, 29), и т.п.). Но в принципе фамилия могла передаваться без герба, а герб — независимо от фамилии (как в случае со включением герба графов Скавронских (ОГ V, 8) в гербы графов Гендриковых (ОГ XIV, 6) и Ефимовских (ОГ VII, 3)) и даже невзирая на то, что материнский род благополучно продолжался (так герб Адлербергов (ОГ XI, 18) вошел в герб графов Барановых — ОГ XI, 17). При передаче по женской линии (как и вообще при процедуре переутверждения) герб мог подвергнуться существенным искажениям и изменениям (у князей Одоевских-Масловых (ОГ XIII, 7) старый герб черниговских рюриковичей Одоевских (ОГ I, 4) был заменен слегка искаженным территориальным гербом Черниговщины в версии 1856 года). Правила компоновки двух соединяемых гербов в одном были весьма свободными (Глебовы-Стрешневы (ОГ VII, 9), Шубины-Поздеевы (ОГ XIII, 50) и др.), но чаще всего им отводились половины рассеченного щита, по две части щита, разделенного начетверо, или щит с сердцевым щитком. Те же Одоевские-Масловы ходатайствовали о пересеченном щите, но получили в Гербовом отделении отказ (такой способ соединения, чрезмерно подчиняющий один из гербов, был сочтен неподходящим) и в конце концов были удостоены четверчащенного щита.

Дворянская фамилия, титул, герб передавались по женской линии посредством высочайшего пожалования, испрашиваемого как особая милость. Лишь в случае с майоратами на основании общего узаконения фамилия и титул должны были автоматически передаваться наследнику. В этом случае обычай (не получивший, насколько известно, полного признания государства) предусматривал и автоматическую передачу герба.

Во многих гербоведческих трудах в качестве главного признака герба упоминается его неизменное наследование. Это, строго говоря, неверно: история гербов, особенно самобытных, полна изменений, как намеренных, так и случайных¹³; высочайше утвержденные гербы порой реформировались по прошению их обладателей (обыкновенно для дополнения их какими-либо почетными деталями). Некоторые типы гербов (брачные, личные с орденами и пр.) вообще не подлежали передаче потомкам. И наоборот, наследственными являлись многие негеральдические эмблемы; поэтому, в частности, критерий наследственности совершенно непригоден для столь актуального в русистике разграничения гербов и «ещё не гербов».

В принципе один человек имеет право на один герб, т. е. герб не должен иметь ни многопольный щит, ни более чем один шлем. Отступления от этого правила, чрезвычайно многочисленные, объясняются различно: либо историческими обстоятельствами (так, потомки удельных князей вполне закономерно соединяли в своих щитах гербы разных земель, которыми правили их предки), либо официально признанным слиянием двух или нескольких родов, либо в качестве особой, чисто геральдической награды, когда верховная власть символически «уравнивает» обладателя герба с потомками владетельной и родовитой знати. Нередко старые гербы, представлявшие на утверждение, были многопольными без очевидных к тому оснований и тем не менее получали высочайшее одобрение: теоретически это оправдано давностью употребления гербов (подразумевается, что многопольность могла объясняться одной из перечисленных выше причин, но последнее со временем забылось, доказательства утрачены: это объяснение, имеющее характер юридической фикции, традиционно обосновывает геральдическое уважение к старине).

Другим предметом ограничения были почетные структурные элементы герба — короны, щитодержатели, шлемы, атрибуты ранга. Основные критерии признания права на таковые вкратце упомянуты выше. Следует учесть, что эти критерии не были неизменны. Так, в XIX в. геральдическое ведомство пыталось отказать в пожаловании щитодержателей баронам и нетитулованным старым родам, но в конце концов не удержалось на этой ригористической позиции. Кроме того, множество родов, имевших право на почетные элементы, таковыми не пользовалось. Большинство рюриковичей имели гербы без щитодержателей и даже без шлемов (или по крайней мере гербы были утверждены за ними в такой усеченной версии).

¹³ Наследственный характер дворянского герба обусловлен наследственным характером обозначаемой им родовой идентичности. Но эта идентичность отнюдь не непреложна, она способна к различным трансформациям; обрыв преемственности есть такой же обычный факт родовой жизни, как и сохранение этой преемственности. Этим, прежде всего, и объясняется «подвижность» самобытной геральдической традиции.

Касаясь утверждения гербов, отметим, что в принципе оно может совершаться как собственно верховной властью (в России — императором), так и специально уполномоченным государственным чиновником, и что оно может происходить в различных формах: как собственно пожалование, т.е. дарение нового герба; как подтверждение, с изменениями или без таковых, уже существующего (самобытного, иностранного, ранее пожалованного); как прибавление новых почетных фигур к гербу, уже существующему, и т.п. Однако после ареста Ф.М. Санти в России установился порядок, при котором за редчайшими исключениями все виды «апробации» герба осуществлялись унифицированно, в форме пожалования (таким образом, не делалось различия между дарованием нового и подтверждением самобытного), все пожалования совершались непосредственно высочайшей особой и становились частью российского законодательства.

При совершении пожалования монарх связан лишь наиболее фундаментальными правилами геральдики: структурной концепцией герба, традиционной «номенклатурой» цветов, фигур, позиций животных. Если же в жалованном гербе нарушено т.н. основное правило, если без общих к тому оснований щит содержит множество полей и дополнен почетными элементами — это не считается геральдическим нарушением. Точно так же не является узурпацией и принятие, с *высочайшего дозволения*, чужого (или близкого к чужому) герба. Император действовал как самодержавный *fons honorum* (лат.: источник почестей); считалось, что все дворянские гербы находились в его безраздельном распоряжении, поскольку имели основание в его милости. Это относилось и к самобытным гербам, которые служили атрибутами дворянского достоинства, тогда как привилегии последнего также определялись высочайшей волей.

Еще одна особенность жалованных гербов — их неизменность. Однажды пожалованный герб не должен подвергаться произвольным изменениям; вносить таковые вправе лишь верховная власть путем перепожалования. Однако этот принцип утвердился далеко не сразу. Формально его ввел Павел I для гербов, внесенных в Общий Гербовник, указав, чтобы «впредь без особого Высочайшего соизволения гербы не изменялись, чтобы ничто ни под каким видом из них не исключалось и вновь в оные не было ничего прибавляемо». Только в 1910 г. это ограничение было распространено на все гербы, когда-либо утвержденные российским монархом.

Было бы ошибкой истолковать павловский запрет на изменение герба с абсолютной буквальностью. Например, грамотное изображение герба в сокращенном виде (щит под короной без шлема и т.п.) нисколько не противоречило процитированному тексту. В случае с составным, многопольным гербом было вполне допустимо воспроизвести лишь главную часть, по крайней мере если она когда-либо существовала самостоятельно и в полной мере может быть сочтена отдельным гербом.

Более того, если род в принципе имел право на те или иные структурные элементы герба, непосредственно относящиеся к щиту (например, девиз, щитодержателей), но в пожалованной версии эти элементы отсутствовали, это можно было рассматривать не как запрет, а как лакуну в пожаловании, которая заполняется по усмотрению обладателя герба. Таким образом, не нарушали закона ни князь Гагарины, на протяжении XIX и XX вв. продолжавшие употреблять шлем, нашлемник, щитодержателей и девиз, которые входили в состав их герба с XVIII в., но не были учтены при утверждении герба Павлом I (ОГ I, 14); ни графы Головкины, добавившие щитодержателей к своему графскому гербу уже после пожалования такового; ни многие другие роды, поступавшие аналогично.

В жалованный герб могли также вноситься геральдические атрибуты различных милостей, оказанных главою государства: знаки российских орденов, если хозяин герба был удостоен таковых (со временем эта практика получила высочайшую санкцию); иностранные орденские знаки, высочайше дозволенные к ношению в России; знаки некоторых высших должностей и званий; дворянин, получивший титул, мог не дожидаясь перепожалования своего герба, добавить к нему соответствующую корону, видя в даровании титула достаточное проявление «особого ... соизволения» на эту перемену (так, например, поступил генерал граф М. Милорадович).

Наконец, придание гербу особой «формы» для использования его дамой и соединение гербов мужа и жены в специальном брачном гербе (о чем см. ниже) также не нарушали установленного Павлом I запрета на самовольные «прибавления».

Всего российскими самодержцами было утверждено более пяти тысяч гербов, в том числе 4880 гербов для нетитулованного дворянства.

С жалованными не следует смешивать гербы, получавшие официальное признание государства в лице его младших инстанций, прежде всего — дворянских собраний. Последние были уполномочены принимать во внимание в своем делопроизводстве гербы своих членов, как жалованные, так и самобытные. В сущности, это было своего рода подзаконной регистрацией; как и вообще в своей деятельности, дворянская корпорация не могла при этом даровать какие-либо геральдические права, но была вправе официально освидетельствовать таковые. В полной мере эта практика была обычной лишь в западных губерниях Империи: Прибалтике и бывших землях Речи Посполитой, т.е. там, где родовая геральдика имела наиболее глубокие корни; но теоретически она была возможна повсеместно (о чем напоминают картуши, отведенные для врисовывания в оные гербов, на старых печатных грамотах великорусских губернских собраний). Здесь следует отметить, что ни исключения из правил, установленные для пожалованных гербов, ни ограничения, к ним относящиеся, не распространялись автоматически на подзаконно признанные гербы.

Гербы, пожалованные иностранными монархами, тем или иным образом утвержденные в иностранных юрисдикциях, теоретически имели в России тот же статус, что и самобытные. При подтверждении в России их довольно часто подвергали большим или малым изменениям. Следует учитывать, что после вхождения в состав Империи частей Речи Посполитой, Остзейского края и Финляндии, а также Грузии, пожалования и признания, совершенные в этих землях ранее, уже не являлись в полной мере иностранными.

Впрочем, польско-литовское геральдическое наследие не было, да и не могло быть во всей полноте воспринято в России. Одной из причин этого были антипольские настроения российских властей. Другой причиной — чрезвычайное своеобразие польской гербовой традиции, прежде всего тем, что одним и тем же шляхетским гербом могло исстари пользоваться несколько родов — иногда более сотни. В таких случаях не герб принадлежал роду, а род гербу. С XV в. эти обычаи распространились на Литву (с Белоруссией) и отчасти на Украину. Польские гербы имели собственные имена; род определялся по соединенным своему и гербовому именам: Корсаки герба Корсак, Боратынские герба Корчак, Бонч-Бруевичи (т. е. Бруевичи герба Бонча). Итальянский художник Бачарелли получил в XVIII в. польское дворянство и с ним герб «Бачарелли», и т.п.

В России употреблялось огромное количество гербов польско-литовского происхождения — как ввезенных выездными родами, так и заимствованных, на основании генеалогической легенды или в силу чистого подражания, исконно русскими семействами. В официальном делопроизводстве, если речь шла о дворянстве западных губерний, формула «род X герба Y» вполне регулярно возникала как имеющая большое значение для доказательства дворянских прав. Тем не менее идея «межродового» герба не была до конца воспринята русской геральдикой. Строго говоря, в российском контексте не было дворянских родов одного герба; были роды, имеющие одинаковые гербы. Более того: весьма часто семействам, обладавшим одним и тем же польским гербом, Высочайше даровались несколько различающиеся версии такового; иногда различия вносились в гербы намеренно, иногда — случайно. В польском контексте многие из этих различий просто могли быть не приняты во внимание, сочтены вольностями при воспроизведении. В России же таким образом создавались *разные* гербы, непосредственно принадлежащие разным родам.

Исключением было Царство Польское до утраты им автономии. На территории Царства сохранялось традиционное польское гербовое право; император, в качестве польского монарха, не только подтверждал старые «межродовые» гербы за группами шляхетских семейств, но и жаловал новые гербы, придавая им, согласно старому обычаю, собственные названия. В Царстве с 1836 по 1862 г. существовала собственная Герольдия, подготовившая три тома «Гербовника дворянских родов Царства Польского», в который вошло 367 гербов. Первые два тома были Высочайше утверждены в 1850 и 1851 гг. и опубликованы в 1853 г. Гербовник был двуязычным, польско-русским; его русская блазонная терминология весьма любопытна и

своеобразна. В 1862 г., с упразднением герольдии Царства Польского, все гербы, подтвержденные и пожалованные в Царстве, сохранили полную силу, став частью общероссийской геральдической системы, но лишь как атрибуты отдельных родов.

Некоторые особенности иноземного (шведского) гербового права были унаследованы другой автономией — Великим княжеством Финляндским; но в этом случае расхождения с общероссийскими нормами не имели столь принципиального характера.

V. 2. Гербы мужские и женские

Роль общепринятых персональных знаков, доставшаяся гербам еще на заре их существования, не позволила им остаться в пределах боевых полей, турнирных площадок и прочих «мужских пространств». Женщины не упустили возможности обзавестись гербами; но суровая композиция из щита и шлема не всегда подходила для этого. Со временем были измышлены специальные правила и атрибуты, придающие дамским и девичьим гербам совершенно особый облик.

В разных странах мира, в зависимости от местных обычаев, дамам отводится более или менее почетное положение в пределах гербовой практики. Родовой принцип, лежащий в основании русской геральдики, любопытным образом привел к тому, что геральдические права женщины в России оказались обширнее мужских.

Независимо от своего пола, члены рода в равной степени являются его *сопредставителями*¹⁴ и потому имеют равное право пользоваться общеродовым гербом (в его «мужском» облике — со шлемом, нашлемником и наметом). Этот герб может быть помещен вместо личного практически где угодно — на печатях и на личных бланках, на домашней утвари, в убранстве дома или же на компьютерном сайте. Но теоретически такой герб не является личным, а лишь замещает его.

Личный герб мужчины, как правило, полностью совпадает с гербом его рода. Мужской герб приобретает качество личного лишь тогда, когда он дополнен персональными атрибутами — орденами или допускаемыми в гербах знаками должности или сана (разумеется, если обладатель герба имеет право на таковые знаки).¹⁵

Дворянка наравне с мужчинами употребляла *общеродовой* герб. Но из-за присутствия (точнее, — в случае присутствия) шлема, считающегося воинским и оттого мужским атрибутом, герб рода не мог считаться ее *личным* гербом. Женская версия общеродового герба отличается прежде всего отсутствием шлема и подчиненных ему элементов — нашлемника, намета, бурлета (но не короны — она считается достаточно самостоятельным элементом и может быть сохранена, даже если в родовом гербе ее место — на шлеме) и присутствием дамских элементов (представления о них со временем менялись; с XIX в. это — пальмовый венок для девицы, «шнур любви» для замужней или вдовы¹⁶). Обычная форма геральдического щита, также условно связываемая с полем боя, могла при этом заменяться ромбом (наиболее характерным для девиц и вдов) или овалом. Начиная со времен Павла I исключение из всех этих правил делалось, если женщина была единственным членом рода и в силу этого родовой герб мог считаться ее личным, или же если женщине и *в ее лице* — роду жаловался титул.

Дворянин *сообщал* жене право на герб своего рода; при этом она не утрачивала права на собственный, «от отца воспринятый» родовой герб (если таковой у нее был) и могла употреблять эти гербы параллельно или же объединять их в особом брачном гербе (чаще всего —

¹⁴ О «родовой репрезентации» см. в предыдущей главе.

¹⁵ Если род не имеет Высочайше утвержденного девиза, герб может быть также дополнен персональным девизом своего обладателя; но персональная принадлежность подобного девиза ничем не закреплена, так как он может быть унаследован потомством или подхвачен родней. Собственно, девиз (и герб с этим девизом) может являться личным только *de facto*, но не с точки зрения геральдических правил.

¹⁶ Исторически этот элемент является атрибутом дамского герба вообще, в отличие от девичьего; но некоторые авторы склонны связывать его по преимуществу со вдовством (именно этой концепции, в сущности — ошибочной, придерживался Кёне).

в виде двух расположенных рядом щитов под общей короной, соответствующей статусу мужа; иногда — в виде рассеченного щита; в обоих случаях герб мужа занимал более важное место справа, но это соблюдалось не всегда (см. рис. 12).¹⁷

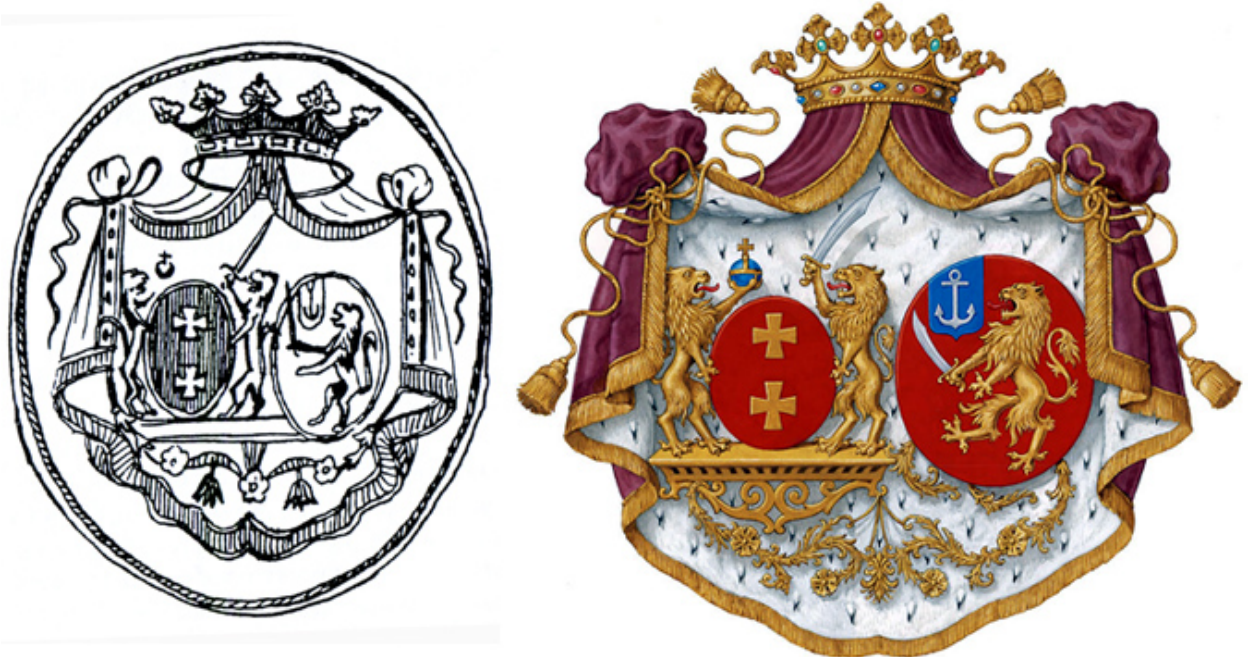

Рис. 12. Гербовая печать М.В. Исленьевой, урожденной Шереметевой (Государственный Эрмитаж) и реконструкция герба на печати, в красках выполненная М. Шелковенко

Щитодержатели в брачном гербе могли заимствоваться и из герба мужа, и из герба отцовского рода, а могли и комбинироваться.

Такой брачный герб считался личным гербом замужней женщины. Но по этой же схеме составлялся другой тип брачного герба — совместный герб обоих супругов как единый символ их союза, своего рода двухчленной корпорации. В этом случае над соединенными щитами мог помещаться и шлем мужа.

Изображения в щите супруга (особенно — фигуры животных) могли быть развернуты зеркально, навстречу гербу супруги, согласно упоминавшемуся выше принципу геральдического вежества, но в России эта практика была мало распространена.

V. 3. Государственный герб и династическая геральдика

Герб на печати русского великого князя впервые появился при Василии Темном; но это был герб венгерских королей (!) (см. рис. 13). Московский государь воспользовался властным символом своего коллеги, не осознавая эмблематического значения этого символа, его персональной принадлежности. С развитием русской знаковой культуры заимствования геральдического характера становились все более осознанными. На личной печати царя Федора Алексеевича впервые встречается настоящий герб (российский орел в щите, шлем с царской короной, намет). Но это — единственный случай для XVII столетия, не отражающий общей ситуации.

¹⁷ Приводимый пример опубликован и исследован М.А. Добровольской: Геральдика. Материалы и исследования. Л., 1987. С.103-104, 175.

Рис. 13. В середине — печать великого князя Московского Василия II Васильевича (ум. в 1462 г.). На этой прорисовке, к сожалению, не читается собственно гербовый щит под шлемом (присутствуют оба), зато ясно распознаваем нашлемник: страусовая голова с подковой в клюве, возникающая из плюмажа над нашлемной короной. Слева — герб венгерских королей Анжуйской династии ювелирной работы с таким же нашлемником; справа — герб короля Венгрии и Польши Людовика I Великого с коронованным страусом (Гельдернский гербовник, последняя треть XIV в.).

Только на рубеже XVIII в., по мере петровских реформ, двухсотлетняя официальная монаршая эмблема — *двуглавый орел*, как правило — *со всадником на груди* — впервые приобрела устойчивые геральдические характеристики. В частности, была закреплена иконография деталей (в лапах орла помещались скипетр с державой и ничто другое, всадник разит змея именно копьем, а не мечом); определилась расцветка: черный орел в золотом поле (это было установлено в подражание гербу Священной Римской империи), «натуральный» всадник в червленом щитке. Всадник сохранил геральдически необычный поворот вправо от зрителя, определившийся в «догеральдический» период развития государственной символики России. Впрочем, на изображениях, выполненных западными мастерами, эта особенность иногда не бывала соблюдена.

Одновременно произошло переосмысление фигуры всадника («ездца») на груди орла. Ранее ездец, поражающий змея, являлся символическим изображением победоносного русского государя; при этом и ездец, и орел обозначали государство Московское (т. е. Российское). Со времени Петра I всадник стал считаться святым Георгием и связываться с московским великим княжеством, а орел — с Россией в целом. С основания ордена св. Андрея Первозванного его цепь (первоначально в весьма условной передаче) помещалась в составе государственного герба, обычно окружая щиток со всадником. Если сам орел изображался в поле щита, то цепь должна была окружать этот щит, а не сердцевой щиток. Это правило, однако, соблюдалось не всегда. Герб воспроизводился обычно в сокращенном виде: вне большого щита, со «свободным» орлом, а иногда без цепи и даже щитка со всадником.

Еще до принятия императорского титула Петром I короны над орлом (сначала средняя, затем и две прочие) приобрели вид «императорских», аналогичных гербовой короне Священ-

ной Римской империи. При этом средняя корона часто (но не всегда) изображалась с характерными лентами. Первоначально предполагалось, что орел как таковой увенчан лишь двумя коронами, а третья, большая, венчает щит с птицей. Но, поскольку орла чаще всего изображали вне поля щита и большая корона помещалась непосредственно над ним, эта композиция стала восприниматься как нераздельная, что и было узаконено уже в 1730 г.

Помимо общероссийской символики еще с XVI в. существовали в изобилии второстепенные монаршие эмблемы догеральдического характера, обозначавшие отдельные княжества и владения согласно полному титулу. При Петре I они также постепенно приобрели геральдическое оформление: получили фиксированные цвета, были помещены в коронованных щитах. Был поставлен (но не решен) вопрос о создании большого императорского герба, в состав которого вошли бы все гербы владений. Возникали лишь прецеденты помещения щитков с гербами важнейших царств и великих княжеств на крыльях орла, рядом с московским гербом.

Члены династии поначалу не получили каких-либо личных гербов: они находились как бы в тени императорского великолепия и в случае надобности пользовались гербом императора как общединастическим.

Став российским наследником, будущий Петр III принял сложный герб, в котором щит с российским орлом и многопольный щит Шлезвиг-Гольштейна бок о бок помещались на груди еще одного двуглавого орла (на этот раз играющего роль одиночного щитодержателя). Иногда этот герб употреблялся Петром III и после восшествия на престол.

При Павле I был проведен ряд реформ: установлены геральдические права членов династии (великие князья смогли пользоваться имперским орлом как своим, князьям крови императорской был дозволен такой же орел, но без всадника на груди); учрежден особый герб монарха как главы «российского кавалерского ордена»; а вскоре по провозглашении Павла I гроссмейстером Державного ордена св. Иоанна Иерусалимского (ордена-государства мальтийских рыцарей) в 1797 г. эта уния двух держав была запечатлена в гербе России: на груди орла (позади московского щитка) был расположен мальтийский крест под гроссмейстерской короной. Исходя из композиционных соображений, андреевская цепь стала помещаться в составе государственного герба лишь изредка. Но, в отличие от андреевской цепи, коронованный крест был введен в герб не как отдельный орденский знак, а как постоянный атрибут орла (подобно короне, скипетру и державе).

Наконец, в 1800 г. был подготовлен к утверждению Манифест о полном гербе империи, в состав которого вошли десятки титульных гербов, коронованные шлем и сень, щитодержатели со знаменами и орденские знаки. В качестве династического элемента в государственный герб поместили составной щит Шлезвиг-Гольштейнского герцогства.

император подписал манифест, однако не распорядился опубликовать его и не ввел в действие, — видимо, потому, что не был удовлетворен документом в полной мере. Вскоре манифест окончательно потерял актуальность: смерть Павла I означала конец унии с орденом, и Александр I убрал коронованный крест из герба, вернувшись к петровско-екатерининской версии.

В конце правления Александра I и особенно при Николае I широко и вполне официально употреблялся вариант государственного орла, существенно отличавшийся от гербового: с венком и молниями, а порой также и с факелом или пучком стрел, в лапах, с вытянутыми в стороны крыльями, нередко — под одной короной. Это явилось в стилистическом плане итогом влияния французского ампира, а в плане гербоведческом — отражением немецкой, прежде всего — прусской практики использования официальных знаков власти (Hoheitszeichen), вольно варьирующих элементы герба. Под конец царствования Николая I негербовая версия государственного орла постепенно вытеснялась гербовой, при этом на крыльях орла, как в свое время при Петре I, располагались шесть щитков с гербами важнейших владений.

В 1856 г. Александром II были утверждены спроектированные Б.В. Кёне большой, средний и малый (для различных протокольных и церемониальных целей) государственные гербы; гербы царств, княжеств и иных титульных владений; большой и малый гербы для всех членов династии; а также родовой герб императора. При создании большого и среднего гербов империи Кёне удалось сочетать наднациональные традиции оформления государственных гербов

с характерным композиционным решением, принятым для государственных печатей России еще в XVII в. Но при всем остроумии общей схемы она была воплощена со множеством несуразностей, прежде всего в порядке расположения отдельных территориальных гербов. Авторская манера Кёне проявилась в ревностном, но поверхностном и не всегда адекватном соблюдении гербоведческих правил: московский всадник, вопреки традиции, был развернут геральдически вправо (хотя поворот влево не воспрещен, а лишь считается исключением), щит со всадником получил тонкую золотую кайму, чтобы избежать наложения червлёного щита на черную грудь орла (хотя, будучи не фигурой, а отдельным щитом, московский герб не должен был подчиняться «основному правилу») и т.д. Как сама реформа, так и стилистические особенности изображений, в которых она была воплощена, вызвали острую критику таких ярких персонажей своего времени, как великий князь Константин Николаевич и святитель Филарет Московский. Но суждения первого были недостаточно профессиональны и точны для того, чтобы достичь успеха, а суждения второго — слишком тактичны и недостаточно настойчивы; когда для рассмотрения критических замечаний был созван специальный комитет, Кёне сумел представить на его заседании аргументы, убедившие Государя и двор, и успешно отразил атаки на реформу. В 1882-1883 гг. государственный герб был переутвержден (добавлены два новых элемента, не изменившие общей структуры). При этом в употребление был введен новый дизайн государственного орла — чуть менее «растрепанный», что явилось единственным шагом навстречу критикам реформы 1856 г.

Большой и средний герб империи были нужны прежде всего для придворного обихода. Наиболее часто употреблялся малый государственный герб, который в свою очередь воспроизводился в более или менее полных вариантах — от орла, несущего девять гербовых щитков на груди и на крыльях, в поле щита, обрамленного щитодержателями, орденой цепью и сенью, до орла, изображенного вне щита, с одним московским щитком, окруженным орденой цепью, на груди.

Для государственно-династических узаконений 1856 г. был специально сочинен (на основании вольно истолкованных догеральдических памятников) фамильный герб Романовых, к которому для полноты мог присоединяться шлезвиг-голштинский герб. Николаем I и Александром II были утверждены также специальные владельческие гербы важнейшим императорским и великокняжеским загородным резиденциям.

Одной из существенных особенностей династической геральдики в России было то, что все младшие члены династии не использовали корон, соответствующих своим титулам, но венчали свои гербы императорской короной. Это обстоятельство, на первый взгляд весьма почетное, вместе с тем подчеркивало несамостоятельность статуса членов императорской фамилии, являющегося лишь следствием близости к государю, а не собственных сеньориальных прав. По этой же причине в гербы старших (до пятого поколения) членов династии вместо мантии была введена сень, в принципе положенная исключительно правящим монархам.

В оформлении гербов женщин-членов династии дамскими атрибутами закон предусматривал четкое соблюдение общих правил, касающихся супружеской геральдики в России.

В заключение следует упомянуть, что государственный и династический гербы не были тождественны обычным дворянским, и право на них не определялось простой передачей потомству, но регламентировалось порядком престолонаследия и законами об Императорском доме.

Временное правительство заменило государственный герб империи двуглавым орлом без атрибутов — эмблемой, не имевшей ни фиксированной расцветки, ни геральдического щита и отчетливо подражавшей ранним догеральдическим русским орлам. Первое время этим квазигербом пользовались и советские органы власти.

V. 4. Земельные и городские гербы

В основу местной русской геральдики легли уже упоминавшиеся земельные эмблемы, иллюстрировавшие царский титул, оригинальные проекты Санти, а также догеральдические композиции с полковых знамен образца 1712 г.

Геральдизация титульных эмблем шла постепенно и спонтанно. Важнейшим источником по этой теме являются монаршие грамоты, нередко украшавшиеся таковыми эмблемами, постепенно они приобретали вид «настоящих» гербов. Детали и расцветка были неустойчивы. Санти разработал (в виде блазонов) геральдическую версию титульной символики, а позднее была создана новая версия, получившая утверждение в 1730 г., в составе гербовника Миниха. Тем не менее гербы на императорских грамотах еще долго сохраняли облик, отличный от утвержденного в 1730 г., и должны рассматриваться как самостоятельные, не уступающие по значению формально утвержденным, геральдические памятники. Сложилась своего рода традиция нестабильности. Позднее (при разработке государственного знамени для коронационных торжеств, при екатерининских пожалованиях, при отображении в родовых гербах рюриковичей, при составлении «павловского» полного герба империи, в ходе реформ Кёне) опять и опять в ход шли новые геральдические версии старых эмблем.

Выше уже была дана характеристика гербовника Миниха и проявившегося в нем смешения гербов города и территории. Со времени екатерининских массовых пожалований не только герб центра провинции (наместничества, губернии) устойчиво отождествлялся с гербом провинции, но и герб уездного города — с гербом уезда. Последнее наиболее ярко отразилось в геральдической практике дворянских собраний.

Города, уже имевшие гербы по пожалованию 1730 г. или позднейшим «наданиям» полковых гербов, получали при Екатерине II повторное пожалование, иногда совпадавшее с первоначальным, иногда — отличающееся в деталях (цвет поля в гербе Ярославля, к примеру, был заменен с золота на серебро), иногда же совершенно новое. При этом екатерининские пожалования городских гербов не содержали корон и иных атрибутов при щите (кроме щитодержателей у уже упоминавшегося Выборга). Несмотря на законодательную акцентировку значения герба города как знака городского «общества», смешение герба территории и ее центра продолжалось и даже получало официальное закрепление. Но теперь уже, как правило, земельный герб подменялся городским. С 1778 г. по предложению товарища герольдмейстера И.И. фон Эндена в гербы большинства городов Ярославского наместничества при их составлении была внесена какая-либо часть городского ярославского герба, который в этом случае определялся как наместнический. Эта схема получила высочайшее одобрение, и герольдмейстер А.А. Волков стал применять ее самостоятельно, оттеснив Эндена от работы с гербами. Однако в геральдике Волков смыслил мало, и первые результаты его трудов были курьезны. В случае с рязанским и костромским наместничествами он упростил схему внесения земельной эмблемы, отведя под нее во всех гербах верхнюю половину; под видом «части герба» в этой половине располагались элементы, заимствованные из герба наместничества, но в иной конфигурации, даже в ином ракурсе. Позднее в верхней половине щита стали располагать земельный герб [18], он же — герб земельного центра, целиком; этому принципу следовали при составлении большинства городских гербов вплоть до середины XIX в.¹⁸

Характерен случай с Астраханью. Ей не был пожалован герб ни при Екатерине II, ни позднее, но это оставалось незамеченным, т. к. его роль исполнял хорошо известный герб царства Астраханского. Когда гербы были в 1853 г. дарованы нескольким городам астраханской губернии, герб царства (в версии, употреблявшейся при Николае I) занял место в верхних половинах их гербовых щитов, тогда как вопрос о гербе губернского центра, вопреки прямому указанию государя, не нашли нужным довести до решения. Не менее красноречив пример Костромы. Ее герб был пожалован Екатериной II в 1767 г., но Павел в пику матери установил Костроме иной герб (официально речь шла при этом о восстановлении некоего более раннего герба). В Полное собрание законов этот герб не вошел, и фактически восстановилось употребление герба 1767 года. В 1834 г., однако, Николай I повелел Костромской губернии (не городу!) принять «павловский» герб.

¹⁸ Первоначально имелся в виду наместнический, позже — губернский герб.

Наконец, при Александре I и Николае I в Бессарабии и Крыму, на части территории Белоруссии были совершены пожалованы не уездным городам, а уездам как таковым.

Все это отражало роль местного герба как административной эмблемы, подлинным обладателем которой является верховная власть, представленная властью уездной. При Николае в обозначение уездных гербов даже была введена остроумная формулировка «герб NN губернии для NN уезда», точно раскрывавшая смысл двухчастного деления гербового щита на губернскую и собственно уездную (нижнюю, подчиненную) доли.

Строго говоря, в лице местных «дворянства и общества» губернии, города, уезды обладали некоторой формальной идентичностью, несводимой к местному ответвлению верховной власти. Можно, таким образом, считать, что местные гербы в принципе были и гербами соответствующих «мест», и эмблемами верховной власти (гербами монарха) в отношении этих мест.

Переход уездного или заштатного города из губернии в губернию не означал автоматической замены верхней, земельной половины щита. В 1824 г., по превращении Красноярска в губернский центр, ему было законодательно предписано сохранить герб, пожалованный двадцатью годами ранее, включая верхнюю половину с томским гербом (эта деталь исчезла лишь при даровании Красноярску совершенно нового герба в 1851 г.). Однако по мере утверждения взгляда на местный герб как административную эмблему подобное несоответствие символики реальному положению дел вызывало нарекания и требовало правки.

Еще одним геральдическим показателем несамостоятельности местных институтов власти явилась установившаяся в первой половине XIX в. практика увенчания губернского герба (герба губернского города тож) императорской короной (а не земельной короной согласно собственному статусу местности, как это было в гербовнике Миниха). На такое же украшение покушались и некоторые уездные города. В употребление также вошла так называемая городская или *башенная*, корона в виде зубчатой стены. Впервые широко примененный в наполеоновской геральдике, этот тип короны на волне ампириной моды распространился, в качестве украшения для городского герба, по всему европейскому континенту. Николай I в конце своего правления одобрил такую практику, указав «на гербах губерний, областей и губернских городов, кои впредь будут представляемы на высочайшее утверждение, изображать всегда императорскую корону; на гербах же городов уездных ставить ныне употребляемую подобными городами городскую корону». Императорская корона была также разрешена некоторым наиболее важным уездным городам. Показательно, что оформление гербов губерний и их центров здесь отождествляется, однако понятия о них уже четко разделены: сказывается стремление Николая I к логическому упорядочению геральдической практики в России. Уже при Александре II, в 1857 г., это стремление выразилось в общей реформе местных гербов, подготовленной Кёне. В Приложениях публикуется текст указа, эту реформу утвердившего.

Реформа 1857 г. была призвана решить две взаимосвязанные задачи: во-первых, разграничить гербы территорий и их центров; во-вторых, дать во всех гербах геральдически логичные обозначения статуса и административной принадлежности. В большинстве случаев еще подразумевалось использование одинакового гербового щита губернией и губернскими городами, а в случае с уездами и их центрами принцип тождества щита сохранялся полностью; но введение разных внешних атрибутов должно было исключить смешение одного герба с другим.

Указ 1857 г. — «трудный» документ, полный лакун и умолчаний. Так, в нем не идет речи об отмене старых губернских «верхних половин»; но введение губернских вольных частей безусловно подразумевает такую отмену (что отчетливо следует из документации Гербового отделения). Под предлогом воплощения реформы Кёне рассчитывал провести, с последующим высочайшим утверждением, массовую правку прежних городских гербов, геральдически качествами которых он во многих случаях был крайне недоволен. В силу этого Гербовое отделение парадоксальным образом не было заинтересовано в немедленном осуществлении реформы путем простой перекомпоновки имеющихся гербов.

Теоретически указ 1857 г. имел немедленное и непосредственное действие, но вопреки этому (и в полном согласии с бюрократическим духом времени) Гербовое отделение стало готовить для высочайшего утверждения сотни проектов: новые гербы для губерний, областей,

городов, иногда слегка отредактированные, иногда абсолютно несходные с прежними (если Кёне считал фигуры первоначальных версий геральдически неприемлемыми). Осуществить эту затею по индивидуальной законодательной замене старых гербов удалось лишь в отношении губерний и областей, а также Москвы и городов Московской губернии, причем процесс затянулся более чем на два десятилетия. Остальные проекты, разработанные Гербовым отделением для городов, ранее гербы имевших, остались без утверждения (хотя известны случаи, когда их по недоразумению начинали употреблять на местах, как, например, в Ростове-на-Дону). Из числа проектов для городов, доселе не имевших гербов, узаконены были лишь немногие.

При подготовке своих проектов Кёне игнорировал гербовник Миниха, отдавая дань установившемуся при Екатерине II пренебрежению этим памятником как в геральдическом, так и в юридическом аспектах.

Результаты реформы 1857 г. на местах оказались довольно хаотичными. Во многих случаях гербы были переделаны согласно требованиям указа. Но нередко эта переделка осуществлялась геральдически неаккуратно, с ошибками и путаницей. Чаще всего, однако, старые версии гербов продолжали употреблять в неизменном виде. Кроме того, гербы территорий и их центров на практике продолжали подменять друг друга — на сей раз в прямом противоречии с их законным статусом.

В 1910-х гг., не без влияния Лукомского, положение стало меняться. Гербовое отделение окончательно «смирилось» с прямым действием указа 1857 г., а заодно и реабилитировало гербовник Миниха. В результате переписки о гербе Азова Гербовое отделение самостоятельно, без представления на утверждение императором, добавило к щиту 1730 г. атрибуты, узаконенные в 1857 г.¹⁹ Показательно, что на два десятилетия ранее находившиеся в аналогичном положении (т. е. имевшие гербы 1730 г.) Белгород и Рыльск были вынуждены получить новые монаршие пожалования, и в случае с Белгородом первоначальные элементы герба оказались сильно изменены. Начавшаяся война помешала Гербовому ведомству добиться окончательного осуществления указа Александра II о местных гербах.

Остается упомянуть, что реформа 1857 г., а равно и другие начинания Кёне, не раз подвергались критике за свой «немецкий» стиль. В западной литературе, напротив, введенную в 1857 г. манеру оформления местных гербов упоминают как специфически русскую. В действительности же разработка Кёне была вдохновлена геральдикой первой Французской империи с ее жесткими рационалистическими схемами.

V. 5. Корпоративные гербы

Подлинно геральдические знаки учреждений, сообществ и т. п. были в России чрезвычайно редки. Они получали лишь косвенное утверждение (через пожалование печати с гербом, а не герба как такового, Академии наук в 1737 г.; орден св. Георгия также получил герб через печать, Морской кадетский корпус — через знамя и т. д.) либо оставались неутвержденными (как у Русского генеалогического общества в Петербурге).

¹⁹ Показательно, что на два десятилетия ранее находившиеся в аналогичном положении (имевшие гербы с 1730 г.) Белгород и Рыльск были вынуждены получить новые монаршие пожалования; в случае с Белгородом первоначальные элементы герба были изменены.

VI. Жалованные почетные элементы герба (аугментации)

По воле жалующего монарха в гербы дворян, городов, территорий и корпораций могли вноситься почетные добавления, «прибавки», «удостоения», обозначающие особую высочайшую милость. Наиболее характерно внесение в герб, в виде награды, государственного орла (в обычном или несколько измененном виде, целиком или же «возникающего»), орлиного крыла, императорской короны (как в гербах Калуги, Тихвина и т. д.) или иного символа верховной власти. Но подобную роль геральдической награды могли исполнять и элементы местных гербов (голова пермского медведя и сибирского соболя — у Строгановых, галера в гербе Комиссарова-Костромского), и обозначения дарованных наград (андреевский крест у графов Толстых, георгиевские крест и лента у Андреевских, получивших пожалование в 1917 г. от Сената), и указания на совершенные подвиги и понесенные труды (меч, маршалский жезл, пушка со знаменами и лев в воротах у князей Барклаев де Толли), и отвлеченные символы чести, достоинства и монаршей милости (например, жалованное некоторым родам при Екатерине II поле со звездой).

Такие жалованные добавления почетного и наградного характера всегда выделялись в особую категорию геральдических явлений, но до сих пор не имеют устойчивого определения в русском гербоведении; может быть рекомендован термин «аугментация» (калька с англ. *honourable augmentation*, почетное дополнение). В один герб могло быть внесено множество отдельных аугментаций, как в щит, так и вонне его. Так, Суворов впридачу к российскому графскому титулу получил пожалование, в котором первоначальный родовой герб был обременен каймой с надписью, пятипольным большим щитом с российским двуглавым орлом в одном из полей и обозначениями различных заслуг в четырех прочих, и нашлемник с российским орлом (нашлемник с орлом Римской империи уже был пожалован ранее всего, вместе с фамильным нашлемником их оказалось трое). При даровании княжеского герба аугментации в щите были перекомпонованы, оба российских орла дополнены новыми элементами. Аракчеев, уже будучи графом и имея герб с аугментациями, удостоился особой милости — его первоначальные щитодержатели (воин и единорог) заменили фигуры военных в мундирах подшефного Аракчееву полка.

Теоретически жалованные элементы, отражающие государственную или земельную символику, не могли присваиваться обладателями гербов иначе как в силу пожалования.²⁰ Пожалование титулом давало лишь право испрашивать аугментацию, но не присваивать таковую. На практике этот принцип иногда нарушался: князь Кутузов-Смоленский помещал, без высочайшего на то дозволения, фигуры смоленского герба в своем нашлемнике; Рибопьеры по случаю принятия графского титула добавили к своему щиту главу с возникающим императорским орлом и т. д. В этих случаях были налицо заслуги как причина возможных аугментаций, но по причине отсутствия должного ходатайства не последовало пожалования таковых. Случалось и наоборот: без особых оснований родовые гербы с «цитатами» из государственной символики получали высочайшую апробацию.

Некоторые гербы практически целиком состоят из почетных жалованных элементов (как у графа Сперанского: вверху щита — российский орел, внизу — измененный герб Сибири).

Иногда исследователь может легко вычленить аугментацию из герба — если известно, как герб выглядел до ее дарования, или же если аугментация содержит узнаваемые фигуры: двуглавого орла или его часть, императорское «вензелевое имя» (монограмму), при Павле I — мальтийский крест и т. д. В иных ситуациях грань между аугментациями и собственно родовыми знаками может быть неясной (как у графов Апраксиных, дворян Чичаговых и др.). В случае с уже упомянутыми екатерининскими пожалованиями поля со звездой было бы невозможно убедиться, что это аугментация, если бы не указание в тексте пожалования. Жалован-

²⁰ Кстати, элементы герба Ярославского наместничества в гербах уездных городов, пожалованных в 1778 г., имели именно характер аугментации; лишь позднее, весьма постепенно, земельные части в гербах уездных городов превратились в стереотипные обозначения административной принадлежности.

ный герб, как и любой его элемент, сам по себе есть почетный дар; аугментации лишь наиболее ярко выражают это, играя роль «дара по преимуществу».

Аугментации могли дароваться как к утвержденному ранее, так и к самобытному гербу (как в большинстве графских пожалований XVIII в.), но в последнем случае, как правило, старые элементы герба получали узаконение вместе с новыми.

Особое место в русской геральдике занимает лейб-кампанская аугментация, уже упомянутая выше. «Генеральный» лейб-кампанский герб был добавлен в гербы лейб-кампанцев, занимая правую половину рассеченного щита (лишь у графов Шуваловых и Воронцовых он занял место во главе щита, а у графа А. Разумовского был закомпонован с другими аугментациями). Подобного рода общую аугментацию Екатерина II предусмотрела для членов Уложенной комиссии.

Довольно нередки в родовых гербах аугментации, дарованные иностранными монархами.

VII. Символика герба

Ранняя русская геральдика испытала значительное влияние моды на аллегории, характерной для эпохи барокко. При Петре I в России был переиздан сборник аллегорических композиций «Символы и эмблемата», многие сюжеты которого перешли в земельные, городские и иные гербы. Вообще же составители гербов пользовались самыми различными символами из числа принятых в их время; в этом плане геральдика смыкается с искусствоведением. Довольно частыми вплоть до сер. XIX в. были фигуры античного происхождения: кадудеи, рога изобилия и т. п. Кёне считал анахронизмом их присутствие в гербах, порожденных средневековьем, и пытался их искоренять (что опять-таки было проявлением его личных воззрений, а не немецкого «схоластичного» влияния), но не слишком успешно.

Порой заслуги членов рода или жителей города, события из истории и прочие важные реалии отображались в гербах с крайней буквальностью (в гербе Нарбековых — их предок, получающий ранение на поле боя). В любом случае геральдические правила требовали соблюдать некоторые границы реализма — например, не изображать подлинных сооружений, заменяя их условно-геральдическими (хотя нарушалось и это правило — граф Клейнмихель получил герб с изображением Зимнего дворца).

Четкой фиксации цветовой символики в геральдике не существует, как и иерархии цветов. Точно так же «почетные», геральдические фигуры не почетнее прочих. Тем не менее в гербах, составленных Санти, почетные фигуры появлялись именно в наградном качестве (что соответствовало, по крайней мере формально, гербоведческим взглядам того времени). Позднее так уже не поступали.

Во второй половине XIX в. формируется несколько устойчивых условно-ведомственных обозначений: так, горностаевый мех в щите родового герба обозначает, как правило, службу по дворцовому ведомству, лист клевера — медицинскую службу. Гербовое отделение обращает особое внимание на выяснение смысла и происхождения фигур в подаваемых на утверждение родовых гербах. Но ни в этот, ни в другие периоды герб не становится четким, однозначно читаемым текстом; он наделен сложной образностью, многочисленными ассоциативными связями.

Многие символы русских гербов стереотипны (меч) или же крайне многозначны (звезда). Одна и та же фигура, даже довольно специфичная, может иметь совершенно разные значения в разных гербах: так, сплетенная из треугольников звезда Давида в гербе Лобачевского обозначает геометрию (и, надо признать, служит превосходным «неэвклидовым» символом), тогда как в гербах братьев Поляковых этот же знак указывает на их иудейское происхождение и вероисповедание (сохраненное при возведении во дворянство). Огромное количество толкований теряется в далеком прошлом, иногда же объяснения искусственно сочинялись после возникновения герба; и, таким образом, адекватная символическая расшифровка герба, даже неполная, далеко не всегда возможна.

Но сам по себе дворянский герб, какие бы изображения он не нес, был символом благородного достоинства и, по сути, мог *не нуждаться* в более конкретном изъяснении. Отсюда и обычное в геральдике «бездумное» тиражирование стереотипных элементов (геометрических форм, благородных животных и т.п.), и, наоборот, крайняя курьезность некоторых композиций, и постоянная путаница в деталях при воспроизведении гербов, особенно самобытных. Не так важно было, что герб рассказывал о роде; важно было, что герб обозначал, «являл» род. *Главной задачей герба была не символическая, а эмблематическая, идентификационная.*

Несколько иная ситуация сложилась в городской геральдике. еще Санти стремился отражать в ней местные достопримечательности, но при этом был не чужд игре с символическим подтекстом (акцентировка коллизии центрального и маргинального начал в гербе Петербурга) и добивался лаконизма и выразительности форм (пожар в Белеве был увековечен в виде пылающего снопа). при Волкове окончательно развился взгляд на городской герб как на зеркало

промышленной, торговой, политической либо природной специфики города (или его округа, уезда). Гербовые композиции становятся полны буквализма, законодательные тексты о гербах пестрят формулировками типа «два рябчика... в знак того, что в окрестностях сего города находится наилучшая и отменной величины сего рода дичина» (Пинега), «накладенные кучею железные крицы, которыми сего города обыватели торгуют, и достают оное железо из гнездовой руды, которую окрестность сего города изобильна» (Устюжна), «несколько стеблей маку... в знак того, что жители с большим успехом... разводят мак для приготовления из него опиуму» (Дербент) и пр. Некоторые примеры весьма топорны: древние Переяславль и Шуя оказались обозначены парой селедок и куском мыла, новые Екатеринбург и Алапаевск — невразумительными в геральдическом плане индустриальными композициями. Стремясь к большему геральдическому изяществу, Кёне сохранил сам принцип герба-путеводителя. Но этой тенденцией российская городская геральдика не исчерпывается. В нее не вписывается прежде всего значительная доля «старых» местных гербов.²¹

Гербы, иллюстрирующие имя обладателя (орел в гербах Орловых и города Орла, солнце в гербе графа Сольского, медвежья голова у генерала Потапчина, померанцевое дерево города Ораниенбаума, дуб — у князей Гагариных, Ромодановских, Хилковых и у прочих представителей Стародубской ветви Рюриковичей, и т. п.), именуются говорящими или *гласными*. Нередко символическое содержание герба (или по крайней мере его главной фигуры) сводится к простому указанию на имя обладателя. «Гласящая» фигура в гербе не обязательно отражает действительную этимологию (в гербе Великих Лук — три лука, а отнюдь не речные излучины; в гербе Кологрива — «крутая грива» коня и т. п.). Подобные гласные гербы, отражающие формальное созвучие, вовсе не должны считаться ошибочными; как в России, так и в иных странах они широко распространены и вполне традиционны.

²¹ Категория «старых» гербов, традиционно выделяемая и неоднородная по происхождению, в основном характеризуется тем, что герольдмейстерская контора не просто сочиняла их, а создавала на основе уже существующих гербов (самобытных, из гербовника Миниха и пр.), эмблем (печатей). Понятие «старый герб» в русской городской геральдике подробно проанализировано Н.А. Соболевой.

VIII. Методика исследования

Для исследователя, всерьез стремящегося приобрести системные представления о русской геральдике, чтение пособий и трактатов совершенно необходимо, но лишь в качестве занятия исходных позиций. Понадобятся также, во-первых, большая работа с источниками, включая неопубликованные; во-вторых, сравнительные исследования²², о ценности которых речь уже шла ранее.

Наиболее характерен сугубо прикладной тип геральдического исследования, в котором герб выступает как средство датировки, атрибуции и т. п. (именно это Лукомский называл гербовой экспертизой). В этом случае первоочередная задача – определить герб. Сужая пространство поиска, исследователь прежде всего выясняет, к какой локальной геральдической традиции принадлежит данный герб, присутствуют ли в нем титульные атрибуты и т.п. Пока что не опубликованы ни составленный в Гербовом отделении эмблематический указатель, ни «Определитель изобразительных элементов...» И.В. Борисова (хочется надеяться, что из всей книги эта фраза устареет первой), так что при поиске герба – даже в пределах ОГ – приходится чаще всего прибегать к простому узнаванию герба «в лицо». Изданы лишь определители гербовых девизов.

Разумеется, если в гербе присутствуют такие элементы, как графская корона или российский орел, это существенно облегчает поиск. (Впрочем, уже упоминался герб графов Рибобьеров, содержащий оба этих элемента, но отсутствующий в каких-либо официальных гербовниках.) Если герб менялся и вехи его развития четко датируются, это позволяет убедительно датировать и предмет, несущий изображение герба. Но следует соблюдать осторожность: предмет с устаревшей версией герба мог быть заказан *post factum* для пополнения утрат в более раннем комплекте или даже явиться своеобразным памятником внутрисемейного историзма (как это практиковалось в роду графов Шереметевых).

Примером исторически полезной гербовой экспертизы может послужить атрибуция герба князя Н.И. Дондукова-Корсакова на стеклянном графине из собрания Национального музея в Минске. Герб отличался от Высочайше утвержденной версии (ОГ IX, 133) порядком частей в многопольном щите, видом венца (княжеская корона вместо мантии), отсутствием мантии и шлема; это делало его неузнаваемым для нетренированного взгляда. Определение герба позволило не только указать владельца, но и датировать предмет периодом с 1802 по 1816 г. (от передачи княжеского титула Дондуковых Н.И. Корсакову до Высочайшего утверждения за ним окончательной версии соединенного герба), и получить данные о родовом самосознании гербовладельца (в «музейной» версии герба символика нетитулованных, но весьма гордившихся своим происхождением Корсаковых первенствует по отношению к гербовым фигурам князей Дондуковых; в ОГ эта аномалия исправлена).

Улов может быть и куда более скромным. Курьезный, но характерный пример: требовалось определить герб под короной маркиза на французской тарелке. Герб оказался принадлежащим нетитулованному русскому роду Пашковых: дворянская корона русско-польско-германского типа была ошибочно перерисована французом-художником.

Герб может быть не только средством поиска, но и объектом отдельного изучения в качестве памятника культуры. В этом случае особое внимание привлекают причины складывания той или иной геральдической композиции, характерные механизмы произвольных и непроизвольных гербовых метаморфоз. Так, изучение типичных искажений фигур при перерисовке позволяет реконструировать первоначальное значение «загадочных» композиций в гербах Тютчевых и Блоков (оказывается, оба герба содержали кадуцей). Еще один объект естественного интереса исследователя – символическая насыщенность герба, его место в знаковой культуре эпохи. «Буквализм» русских городских гербов, к примеру, является несомненным памятником мысли эпохи Просвещения. Сопоставляя гербы и иные знаковые памятники,

²² О компаративных исследованиях в истории вообще геральдисту имеет смысл прочитать статью великого французского историка: *Блок М. К сравнительной истории европейских обществ // Одиссей 2001. М., 2001. С.65-93.*

необходимо учитывать, что одно и то же изображение может иметь различные смысловые акценты внутри структуры герба и вне ее.

Очевидна тесная связь родовой геральдики и генеалогии. Герб является незаменимой иллюстрацией фамильной истории и ее важной реалией, родословные разыскания позволяют выяснить право той или иной персоны на герб или его определенную версию. Нередко в гербах находили свое отражение родовые предания – как достоверные (подвиг предка, прямо отображенный в гербе Нарбековых; крест над полумесяцем у князей Шихматовых, графов и дворян Уваровых и у многих других крещеных потомков татар), так и фантастические (указание на происхождение от Юпитера в гербе Римских-Корсаковых и др.). В случае с городскими гербами подобную роль сестринской дисциплины играет краеведение, но прежде всего в территориально-административном и «макроисторическом» аспекте (герб обычно сочинялся в столице, и потому решающим оказывался чиновный взгляд на данный город со стороны).

Геральдические памятники могут становиться объектом изучения искусствоведов и филологов, могут пригодиться и внегуманитарные данные о технике исполнения (черная фигура может запросто оказаться почерневшей серебряной). Вполне естественно рассматривать герб в общем контексте символической и эмблематической культуры, современной его созданию. Но, безусловно, *главное* умение историка, систематически изучающего гербы, заключается в определении *собственно геральдических характеристик* памятника.

Как при чтении манускрипта обычно приходится «преодолевать» языковые трудности, особенности почерка, аббревиатуры, утраты текста (хотя все это весьма интересно само по себе и требует соответственного изучения), так и при анализе изображения или блazonа герба требуется прочесть этот герб как знаковую идею, иконографическую абстракцию, преодолевая средства ее выражения. Разумеется, эта методика требует серьезных познаний в геральдической теории и использования развитой блazonной терминологии. Как уже говорилось выше, обращение к западному опыту в этих случаях необходимо, но отнюдь не достаточно.

При этом приходится учитывать, что многие геральдические памятники создавались несведущими или мало сведущими в геральдике художниками, чиновниками и т.п.; продолжив аналогию с манускриптами, такие памятники можно уподобить строкам, которые перерисовал неграмотный. Как следствие, роль ошибок в истории гербов (кстати, не только русских!) весьма велика. Некоторые геральдические недоразумения довольно характерны, и их анализ позволяет лучше понять общие пути формирования и развития русских гербов.

Но геральдическое невежество отнюдь не было тотальным. Некоторые персонажи геральдической истории (как Санти, Адодуров или Кёне) не просто располагали обширными геральдическими познаниями, но и были носителями определенных гербоведческих концепций, а также обладали авторской манерой их практического воплощения. Менее просвещенные геральдисты следовали геральдическим традициям не столь осознанно, с большей долей формальной подражательности, но и в этом случае они зависели от традиций и развивали их. Выдвигаемый в последнее время рядом авторов тезис о совершенной «неправильности» русских гербов неоснователен и связан с неверным представлением о «правильности». В конечном счете, самый варварский самобытный герб находится в определенных отношениях с системными основами геральдики и прежде всего должен быть рассмотрен в этом качестве - в аспекте гербоведческой теории.

Разумеется, создание и употребление гербов не было самоцелью, оно отражало социальные, культурные, политические, правовые реалии. Герб, рассмотренный в полном отрыве от этих исторических реалий, вообще не является предметом *научной* геральдики. Задача исследователя - осознать и раскрыть геральдический памятник как историческое явление - например, увязать символику какого-либо герба (или же гербовое пожалование, реформу, развитие гербоведческих воззрений) с историческими событиями. Впрочем, это не имеет ничего общего с упрощенным, потребительским включением герба в общеисторические рассуждения. Практическая геральдика была (и остается) *средством*, инструментом репрезентации, но это инструмент очень сложный; и прикладной потенциал геральдических исследований наиболее полно реализуется, если относиться к этим исследованиям как к фундаментальным.

Гербоведение не перестает быть прикладной наукой. В сегодняшней России бурно развивается местная символика, отражая рост значения локальных институтов власти и разграничение их компетенций. При этом официально провозглашена полнота преемства к дореволюционной геральдике – и в отдельных гербах, и в теоретических основах. Реанимируется родовая геральдика. Одной из основных задач научного гербоведения является, безусловно, обслуживание этих социально-культурных сфер.

В то же время знание гербов чрезвычайно полезно для историка независимо от сегодняшних обстоятельств. Герб на документе, печати, портрете, предмете быта, здании может служить ценным, иногда – незаменимым источником атрибуции. Если герб на протяжении своей истории менялся, возможно уточнение датировки, и т.д. Мастером такого рода гербовой экспертизы был В.К. Лукомский.

Наконец, герб является своеобразным памятником культуры: продуктом тех или иных влияний, показателем тех или иных процессов. В этой связи может он быть интересен исследователю сам по себе.

Очевидно, что геральдика как историческая дисциплина граничит с политической, социальной и культурной историей, искусствоведением, с генеалогией, со множеством иных исторических дисциплин (сфрагистика, нумизматика, вексиллология и т.п.), с юриспруденцией и, благодаря блазонированию, с филологией. Перечень, конечно, неполон. Это отводит геральдике весьма важную роль в развитии междисциплинарных исследований.

Наконец, нет нужды обосновывать вненаучную, житейскую важность геральдических консультаций и экспертиз при создании произведений искусства на исторические темы или же в антикварном бизнесе.

Вторая половина двадцатого столетия была отмечена ростом специального интереса к гербам в европейской науке. Несомненно, наиболее значительные результаты этой тенденции еще дадут о себе знать в наступившем столетии. Остается надеяться на то, что свой достойный вклад внесут при этом и российские ученые.

Рекомендуемая литература

Арсеньев Ю.В. Геральдика. Лекции, читанные в Московском археологическом институте в 1907/08 году. М., 1908. *Переиздание*: Ковров, 1998 (*предпочтительнее использование первоиздания*).

Винклер П.П. фон. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской Империи, внесенные в Полное Собрание Законов с 1649 по 1900 год. СПб., 1900. *Переиздание*: М., 1990 (*вполне приемлемое*).

Гербовед. СПб., 1913-1914.

Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская сфрагистика и геральдика. 1-е изд. М., 1963. *Прекрасная библиография*.

Лакиер А.Б. Русская геральдика. СПб., 1855. *Переиздание*: М., 1990 (*предпочтительнее использование первоиздания*).

Лукомский В.К., Модзалевский В.Л. Малороссийский гербовник. СПб., 1914. *Переиздание*: Киев, 1993 (*вполне приемлемое*).

Лукомский В.К., барон Типольт Н.А. Русская геральдика. Руководство к составлению и описанию гербов. Пг., 1915. *Неполное переиздание*: М., 1996 (*гораздо предпочтительнее использование первоиздания*).

Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика XVIII-XIX вв. М., 1981.

Тройницкий С.Н. Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года. СПб., 1912.

Fox-Davies Ch.A. Heraldry. An encyclopaedia of armory. Lnd., 1914. *Труд Фокс-Дэвиса, являющийся значительно дополненной и переработанной книгой Х.Г. Штрёля (Stroehl H.G. Heraldischer Atlas. Stuttgart, 1899) несколько раз переиздавался в виде репринта. Превосходный иллюстративный материал при относительно устаревшем тексте.*

Два наиболее совершенных трактата ушедшего столетия:

Galbreath D.L., Jequier L. Manuel d'héraldique. Bruxelles, 1966. *Существуют переиздания на английском, немецком и др. языках.*

Pastoureau M. Traité d'héraldique. Paris, 1982. 2-me éd.: 1993.

Приложение I. Родовая геральдика

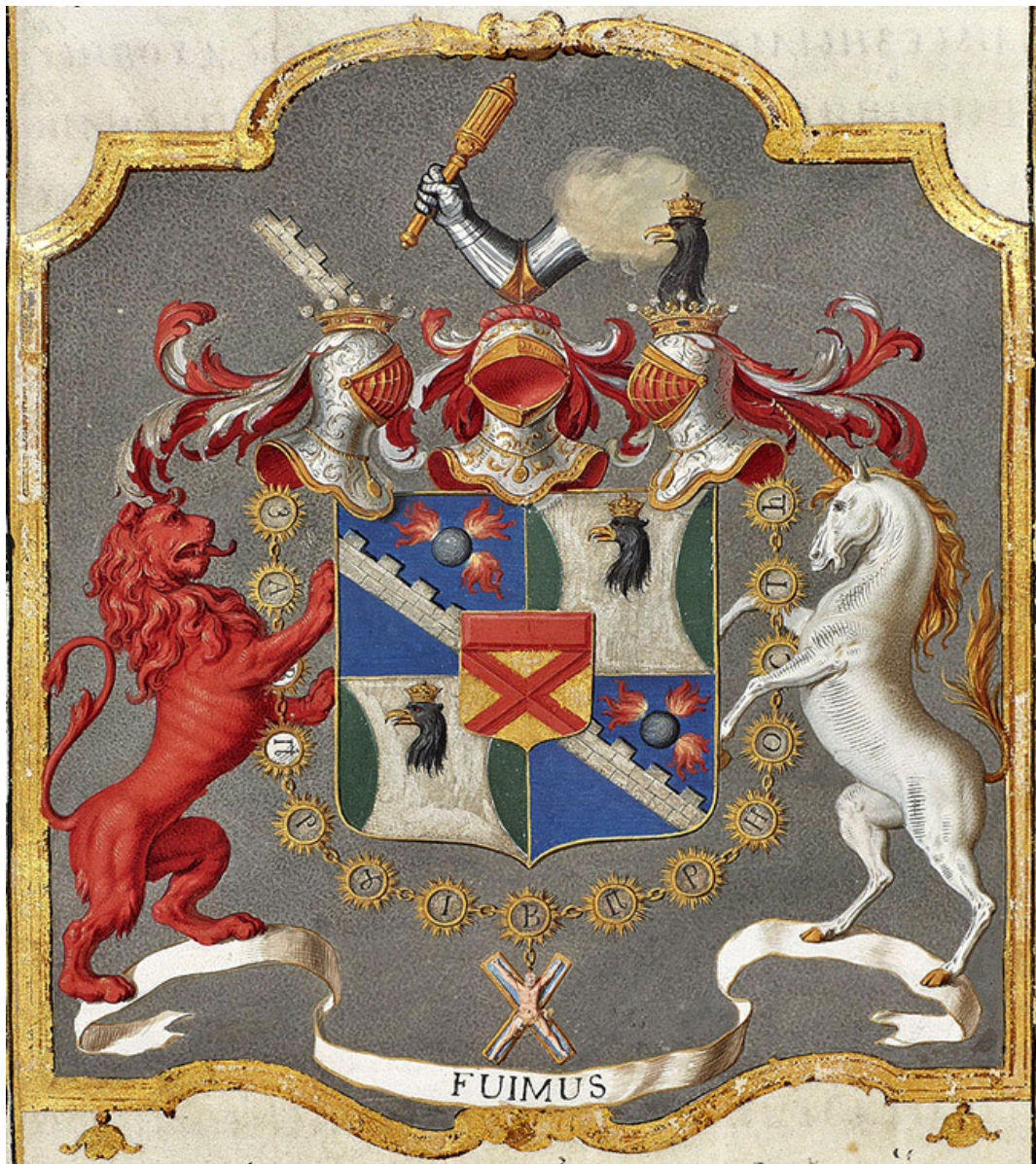
1. Выдержка из диплома на графское достоинство адмиралу Федору Матвеевичу Апраксину (1715)

Герб графов Апраксиных в ОГ (III, 3)

«Дабы они (Апраксины) особливую нашего царского благоволения и милости склонность искусили, того ради тою же самодержавною властью им и их наследникам гербы их родовые последующим образом умножа, вечно впредь употреблять жалуем и позволяем, то есть щит четверочастный, в котором в первой части корона с двумя обнаженными мечами, сквозь оную накрест произшедши, в четвертой шпор золотой, оба в красных полях; во второй части корабль, на парусах идущий, предъявляя морские его генерал-адмирала действия в чине адмиральском в службе нашей, с добрым сукцесом показанныя; в третьей же якорь, канатом обвитой, в знак служб его в чине президента Адмиралтейства нашего нам, учиненныя в лазоревых полях, в середине щита орел двоеглавый белый в зеленом поле значит высокую нашу к нему милость, по которой он за службы свои с братом и прочими своими наследниками на степень графскаго достоинства произведены; над щитом украшения обыкновенные, а именно: корона золотая графская, из которой выставлены два флага Российские белые с синими крестами, по сторонам той короны два шлема, из которых один на правой стороне имеет над собою якорь, канатом обвитой, а другой на левой стороне — корону графскую золотую, из которой происходят два крыла орловые распростертые.»

2. Выдержка из диплома на графское достоинство Якову Вилимовичу Брюсу (1721)

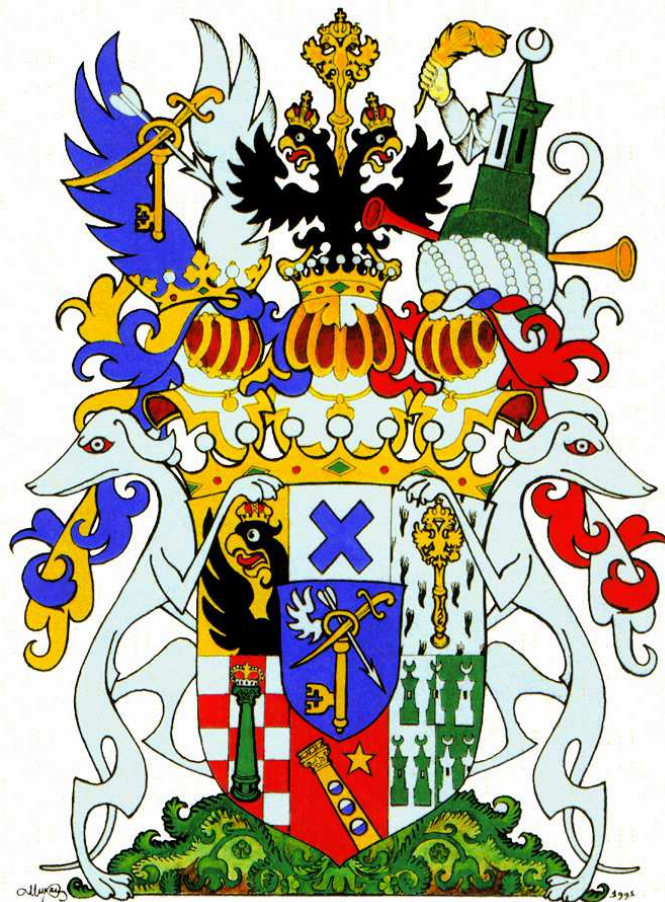

Герб Якова Брюса в дипломе на графское достоинство (1721)

По предъявленной от него родословной ведомости и грамоте о происхождении фамилии его, которую подлинную он явил в нашу государственную Коллегию Иностранных дел, за подписанием королевства Шкодского обер-герольдмейстера и за печатью гербовою онаго королевства, с приписанием во свидетельство рук знатных сродников его, в которой по переводу изображено, что он произошел из древней благородной фамилии Шкодской Брюсов из дому Клакманан, из которого дому были два короля Шкодские [...] Гербы его родовые последующим образом умножа вечно впредь употреблять жалуем и позволяем, то есть на поле златом крест св. Андрея и верх щитовый краснорожовый над шлемом тогожде степени приличным плащем красным серебром раскрашенным и венцем от тех же цветов украшенным, вместо перья напечатается плечо вооруженное, булаву в руке держащее поддержат, от десныя страны лев краснорожовый, от левыя же единорожец

природного цвета с щитовым сим надписанием: *Быхом*²³; а к тому прежнему его гербу в прибавку, за его к нам верные и прилежные службы, как при добывании неприятельских городов, так и при баталиях по нашей милости ему наданныя и назнаменуящая соизволяем ему имети сие щитом образом: новый щит на четверо разделенный, в его же середине имети ему прежний его гербовой щит, яко же выше описан, в первом и третьем разделении щита в синем поле часть белой городской стены, справа наось налево стоящую, над оною ядро огненное с тремя пламенами натурального цвета, да за ево верную к нам службу во время бытности ево нашим первейшим полномочным министром на Аландском конгрессе, определяем ему во второе и четвертое деление щита в белом поле с боков две темнозеленые дуги, едина против другия стоящая, между ими черная орловая глава с короною, якоже в гербе изображено, над сим щитом сверх его прежняго шлемы и украшения еще два шлемы откровенные, а имянно с правой стороны, имея корону баронскую, над оною часть городской стены, какова в первом и третьем разделении щита изображена, с левой стороны шлем, имея графскую корону, над оною глава черного орла с короною против изображенной во втором и четвертом делении щита, а плащ: также, щитодержавцы и подпись употребляти ему при сем гербе таковым образом, как в его прежнем гербе изображена и цветом расписана».

3. Блазон герба из диплома на графское достоинство Толстых (1725)

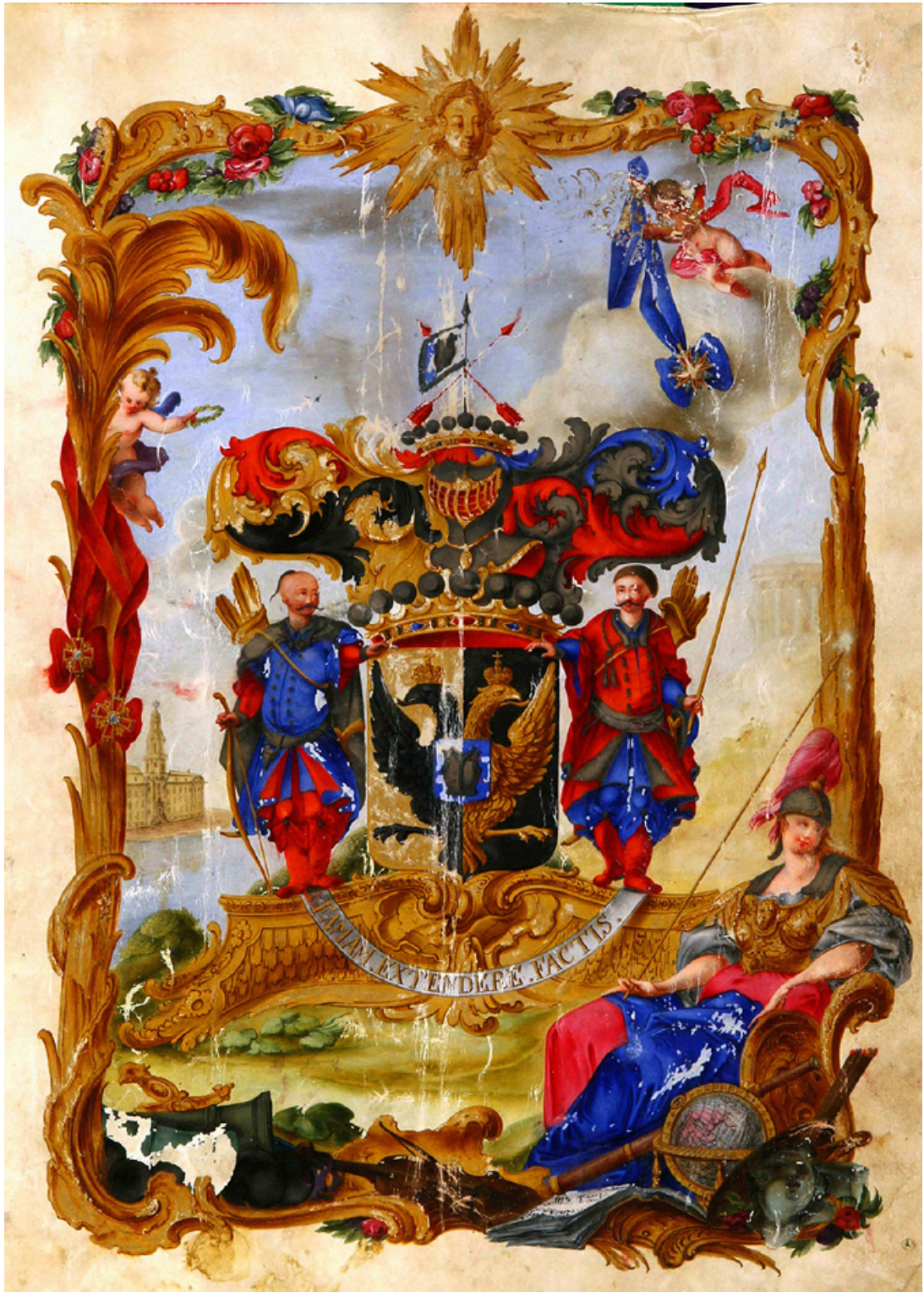
Герб графов Толстых работы Михаила Медведева (1991)

²³ В тексте дан славянский перевод латинского девиза герба: «Fuimus».

«Тою же самодержавною властью мы родовые гербы фамилии Толстых последующим образом умножа, вечно впредь употреблять жалуем и позволяем, а именно: щит большой, разделенный двумя линиями в длину и одною в ширину, имеет шесть частей, из которых три внизу, а три вверху и в середине один щит же; в первой части из верхних поле золотое, в котором половина орла имперского российского, обращенного слева направо, знаменует достоинство графское нашея Империи, во втором поле серебряное, в нем крест св. апостола Андрея, лазоревый, являет за его службы первым в его фамилии удостоенным быть кавалером между высокоблагородными особами и между нашими верноподданными; в третьей поле горностайное, в котором посох золотой маршалский нашего императорского двора прямо стоящий, знаменует, что он был верховный маршал, директор во всех учреждениях и августейших церемониях, бывших при нашей торжественной коронации в Москве; из нижних же частей в первой поле шахматное серебряное с красным, в котором корона княжеская золотая, наложена на середину столба зеленого, во особое вечное свидетельство учиненной от него великой услуги. Во второй поле красное, в нем столб золотой, лежащий на искось верним концом вправо в угол, а нижним влево к углу же, в середине того столба три глобуса разделены поперег на двое щитового вида, у которых верх серебряный, а низ лазоревый; от того столба в верх влево к углу звезда полярная золотая знаменует чин его придворный и военный, и когда он еще прежде сего при предках наших и блаженной памяти при матери нашей царице и при деверях наших в нашей империи был стольник, а потом капитан нашей гвардии, также и президент в нашей Коммерц-коллегии; третья часть разделена в длину линиею на два поля, из них одно серебряное, а другое зеленое, к той части суть семь башен, имеющих на себе полумесяцы, из тех башен на серебряном поле в длину две башни зеленые, а на зеленом в длину ж две башни серебряные, прочие же три башни суть на самой линии, в длину разделения той части поль, которых башень половины; сущия на серебряном поле зеленые, а на левом серебряные, являет, что он был нашим чрезвычайным и полномочным посом при порте Оттоманской тринадцать лет, где заключил тридцатилетний с турками мирный трактат, и от турок был двоекратно в заточении в крепости, именуемой Едикуле, т.е. седмибашенной, содержан; в среднем щите поле лазоревое, в нем лежит поперег сабля золотая, вдета в уши ключа золотого, который концем висит вниз сквозь ушей того же ключа, от нижняго угла правой стороны вверх наискось в угол влево продета стрела вся серебряная, и от ушей того же ключа вверх в правую сторону видится одно крыло распростерто серебряное, и тако герб, в среднем щите означенный, старинный фамилии Толстых. Над большим щитом суть три шлема, средний шлем серебряный, травы золотыя, а прочие два шлема железные, травы серебряные с обыкновенными украшениями, из лент золотых, серебряных, красных и лазоревых, над средним шлемом корона графская золотая, перлами украшенная, верх той короны стоит орел наш имперский, знаменующий его быть графа нашея Российские империи; из среди глав онаго орла стоит посох верховного маршала, по верху шлема с правой стороны изобразуется его фамилия, где зрятя два крыла распростерты, из тех одно крыло правой стороны лазоревое, на нем поперег лежит сабля золотая, вдета в уши ключа золотого, висящего концом вниз, как видится в среднем щите, второе крыло с левой стороны все серебряное; а по верху третьяго шлема левой стороны стоит чалма солтана Турецкого зеленая, украшенная перлами, над тою чалмою башня, половина ея зеленая, а другая половина серебряная, которая на себе имеет полмесяца; из той башни видится рука согбенная, держащая перо золотое, а по сторонам той чалмы две трубы, одна с правой стороны красная, а другая с левой золотая, провозгласящая славные его в делах поступки. Из-за оных

шлемов около щита, который от двух борзых собак поддержан, знаменуя верный и скорый в делах успех, обвешена кавалерия Белого орла королей Польских, а с трех наша российская святого апостола Андрея кавалерия.»

4а. Блазон герба из диплома на графское достоинство Кирилла Григорьевича Разумовского (1751)

Страница с гербом Кирилла Разумовского в дипломе на графское достоинство (1751)

«Щит, разделенный перпендикулярно на две части имеет золотое и черное поля, в коих изображен двоеглавый коронованный орел, переменных с полями цветов; на груди орла является голубой щиток, содержащий серебряную двумя красными стрелами с обеих сторон поперег пробитую лату. Сверх всего щита положена обыкновенная графская корона, над которой поставлен серебряный коронованный шлем о девяти золотых обручах, по краям золотом обложенный с висящим на нем золотым клейнодом и с стоящим сверх короны голубым прапором, изображенною на нем вышеописанною серебряною латою украшенным, при котором приложены две красныя крестообразно вверх летящия стрелы. По сторонам щита опущен намет, с правой красного и черного цветов, подложенный золотом, а с левой голубого и красного, подложенный серебром. На месте щитодержателей стоят: с одной стороны вооруженный скиф с откровенною главою, левою рукою щит держащий у котораго верхнее одеяние голубое, нижнее красное, епанча и пояс, на коем висит сабля, серебряные, а скифский лук, колчан и сабля золотые. С другой стороны таким же образом вооруженный поляк, с обнаженною главою, щит правую рукою держащий, у котораго верхнее платье красное, а нижнее голубое, в другой руке золотое метательное копьё имеющий. Внизу надпись: FAMAM EXTENDERE FACTIS».

46. Блазон герба из диплома на графское достоинство Алексея Григорьевича Разумовского (1751)²⁴

«Военной прямо стоящей²⁵ на подобие Андреева креста на четверо разделенной щит с голубым щитком в середине, содержащим серебряную двумя красными стрелами с обеих сторон поперег пробитую лату, яко родовой герб фамилии Разумовских. В вершине сего щита изображен черной двоеглавной златом коронованной орел, у котораго носы, лапы и нагруды крест також и в кохтях обыкновенные клейноды златые, в знак Нашей к нему Высочайшей Императорской милости, и в засвидетельствование вышеописанных его Нам и Империи Нашей показанных знатных заслуг, а внизу в черном поле золотое стропило с наложенными на нем тремя горящими гранатами натурального цвету между тремя серебряными звездами, для показания его службы и достоинства при Нашей Лейбкомпании. С обоих же боков щита в продолговатых шахматных полях голубого и серебряного цветов положен располовинчатой черной орел из краев щита к середине обращенной, яко наддание от Его Римско-Императорского Величества в знак Его Величества к нему особливой милости. Сверх всего щита наложена Графам Российския и Римския Империи свойственная корона, над которою является три турнирныя шлема обыкновенными обручами и приличными им клейнодами и цепями украшенные, из которых средней серебряной и по достоинству коронованной шлем держит на себе полного Римския Империи орла над главами златою Императорскою корону и при том златыми диадимами украшеннаго, у котораго носы и кохти тогож металла. Второй шлем с правой стороны украшен голубым прапором с изображенною в нем серебряною латою на среднем щитке описанною и с приложенными при том на подобие Андреева креста двумя красными вверх летящими стрелами, а третьей с левой стороны находящейся шлем показывает гранодерскую шапку Лейбкомпании с белыми струсовыми перьями, обращенную к правой стороне и поставленную между двумя распростертыми чорными орловыми

²⁴ Герб представляет собой версию, пожалованную в 1744 году Римским императором Карлом VII, с новыми почетными изменениями и дополнениями.

²⁵ Изображение с наклоном геральдически идентично «прямому»; уместно видеть здесь, как и в слове «военной», не нормативное положение, а чистую риторику.

крылами, на которых означены по три серебряные звезды. Шлемовой намет опущен в середине красного, с правой стороны черного, а с левой — голубого цветов, подложенной золотом и серебром. Вместо щитодержателей стоит с одной стороны вооруженный Скиф с откровенною главою, левою рукою щит держащей, у которого верхнее одеяние голубое, нижнее красное, епанча и пояс, на котором висит сабля, серебряные, а скифский лук, колчан и сабля золотые. С другой стороны таким же образом вооруженной Поляк с обнаженною же главою, щит правой рукою держащей, у которого верхнее платье красное, а нижнее голубое, в другой руке золотое метательное копьё имеющей, для показания начала фамилии Разумовских из Польского Королевства, и для их прежних военных служб и храбрых действий, к чему и приложенная надпись: “FAMAM EXTENDERE FACTIS”, то есть “Славу умножать делами”, склоняется».

Страница с гербом Алексея Разумовского в дипломе на графское достоинство (1751)

5. Формуляр грамоты дворян Гарднеров (1861)

«Божиею поспешествующею милостию, мы, Александр Второй, император и самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсониса Таврического, Царь Грузинский, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский, Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский, и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новагорода низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский, и всея северная страны Повелитель; и Государь Иверския, Карталинския и Кабардинския земли и области Арменския, Черкасских и Горских Князей и иных Наследный Государь и Обладатель; Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голстинский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем всем вообще и каждому особливо, чрез сию Нашу жалованную Граммату, что хотя Мы по самодержавной, от всемогущего Бога Нам данной Императорской власти и по природной Нашей милости и щедроте, всех наших верных подданных честь, пользу и приращение Всемиловитейше всегда защищать и споспешествовать им желаем; однакож наипаче к тому склонны, чтоб тех наших верных подданных и их роды честью, достоинством, також и особенною Нашею милостию, по их состоянию, награждать, повышать и надлежащими преимуществами жаловать и во оных подтверждать, которые по всеподданнейшей своей к службе Нашей ревности Нам и Государству Нашему отменныя услуги и верность показывают.[...]»²⁶

Для вящшаго же свидетельства, и в признак сей Нашей Императорской милости и возведения в Дворянское достоинство, жалуем им Гардерам²⁷ нижеследующий Дворянский Герб:

В серебряном поле червлёное стропило, обременённое золотым якорем с таковыми же анкерштоком и кольцом, между двумя серебряными леопардами и сопровождаемое тремя лазуревыми лошадиными головами. Щит увенчан дворянскими шлемом и короною. Нашлемник: возникающий золотой гриф, держащий таковой же якорь. Намет: справа лазуревый с серебром, слева червлёный с золотом. Девиз: “*Valet Anchora Virtus*”, лазуревыми буквами на серебряной ленте.

Чего ради жалуем и позволяем помянутых наших верноподданных Гардеров вышеписанный Дворянский герб во всех честных и пристойных случаях, в письмах, печатях на домах и домовых вещах и везде, где честь и другия случающиеся обстоятельства того потребуют, употреблять по своему изволению и рассуждению, так как и другие нашей Империи дворяне оную вольность и преимущество имеют. И того ради всех чужестранных Потентатов, Принцев и высоких Областей владетелей, також Графов, Баронов, Дворян и прочих чинов, как всех обще, так и каждого особливо чрез сие дружечно просим, и от всякого по достоинству чина и состояния благоволительно и милостиво желаем, оным Гардерам сие от нас Всемиловитейше пожалованное преимущество в их Государствах и Областях благосклонно позволить, а нашим подданным какового чина, достоинства и состояния оные ни были, сим Всемиловитейше и накрепко Повелеваем помянутых Гарде-

²⁶ Следует описание заслуг Гарднеров и провозглашение их дворянами.

²⁷ Такое (ошибочное) начертание повторяется и ниже в тексте документа.

ров за Наших Всероссийской Империи Дворян признавать и почитать, и им в том, таж и в употреблении вышеозначенного Дворянского герба и во всех прочих Нашему Всероссийской Империи Дворянству от Нас Всемилостивейше позволенных правах, преимуществах и пользах предосуждения, обид и препятствия отнюдь и ни под каким видом не чинить.

А для вящаго уверения, Мы сию Нашу жалованную Граммату Нашу собственною рукою подписали и Государственную Нашею печатью укрепить повелели.

Дана в февраля в 24 день; в лето от Рождества Христова тысяча восемьсот шестьдесят первое, Государствования же Нашего пятое.

Товарищ Герольдмейстера

Секретарь

Помощник Секретаря»

Приложение II. Государственная и территориальная геральдика

1. Блазоны, разработанные графом Санти

(перевод с французского, выполненный переводчиком Санти Б. Волковым)

«Герб ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

с колорами или цветами своими

Поле золотое или желтое на котором изображен ИМПЕРАТОРСКИЙ орел, песошной то есть черной²⁸ двоеглавной с распушенными или простертыми крыльями, с носами, ногами, и с лапами, с кохтьми; оной орел коронован двумя коронами золотыми²⁹, и держит правой ногою в кохтях скипетр, а левою ИМПЕРАТОРСКИЙ Глобус или державу, которая препоясана в круг, также и сверху до половины, а на верху той державы есть крест золотой. Поверх поля или всего щита³⁰ поставлена ИМПЕРАТОРСКАЯ корона. На орловых грудях изображен герб Великого Княжества Московского, который окружен или монисто гривною или чепью, ордина с[вя]таго Андрея: и есть сей герб таков, как следует.

Поле красное на котором изображен с[вя]тый Георгий в теле³¹, с золотою короною обращен он налево, он же одет вооружен и сидит на коне, который убран своею збруею с седловою приправою с прикрышкою и подтянут подпругами, а все то колора серебряного или белаго. Оный с[вя]тый Георгий держит свое копье в пасти или во рту змия черного.

А вкратце оной герб таков.

²⁸ Имеется в виду французский блазонный термин для черного цвета «sable» (букв. «песок»).

²⁹ Упоминание о цвете относится также к перечисленным выше «носам» и «ногам», хотя из русского перевода это не вполне ясно.

³⁰ Помещение средней короны в пределах гербового щита Российской империи стало практиковаться позднее и постепенно закрепилось в течение XVIII столетия.

³¹ Имеется в виду французский блазонный термин для натурального цвета «de carnation».

Поле красное на котором изображен с[вя]тый Георгий обращенный налево цвета белаго коронованный золотою или желтою короною. А змий есть колора или цвета песошного, то есть по гералдике черного, для того, что тако онаго с[вя]таго описуют. [...]

3. ВОЛОДИМЕР.

Поле красное со лвом идущим на задних лапах, который коронован златою или желтою короною, и держит двема передними лапами, длинной белой крест, которой непритыкается к щитовым краям.

4. НОВГОРОД.

Поле серебряное или белое с волнистою шампаниею³² или с рекою лазоревую в которой плавают четыре рыбы белые, сшедшие носами две против двух рядом. Поверх шампани или реки стоят на задних лапах два медведя черные один насупротив другога и держат передними лапами престол, колера златаго по древнему маниру, на котором положена красная подушка, а на сей подушке поставлены наперекрест, скипетр да длинной крест желтого колора к заду или спиннику престола, поверх которого видится канделяр с тремя ветвями того ж колора желтого, А в том канделяре свечи серебряные, то есть по гербовому белые с огнем красным.[...]

8. ПСКОВ.

Поле лазоревое имеет тигра в своей природе³³ ходяща, и одно облако серебряное или белое движущее сверху, откуду показуется перпандикулярно рука ч[е]л[о]веческая обращенная ладонию.[...]

12. КАРЕЛЬСКОЙ.

Красное поле имеет две руки вверх поднятые лохтями сткнутые крест накрест и облеченные в шлемы золотые или желтые правая рука держит, а левая имеет в руке саблю серебряную или белую черен золотой или желтой которые в готовности оборонять корону золотую над ними положенную.

[На полях:]

Блиско осми м[е]с[я]цов как я подал доношение в геролдмейстерскую канцелярию, дабы мне дали гербы правинций завоеванных которых еще и по се число не получил, ибо гербы Карелские которые я объявил при сем и мне оные показал токмо Спенерус, автор геролдической³⁴. Также уже несколько м[е]с[я]цов как я просил г[о]с[по]д[и]на обер секретаря иностранной коллеги, дабы о том отписал в Швецию к м[и]н[и]стру ИМПЕРАТОРСКОМУ.[...]

³² Французский термин «champagne» (оконечность щита).

³³ Французский термин «au naturel» (естественный цвет).

³⁴ Ф.Я. Шпенер (1635-1705), выдающийся немецкий геральдист и богослов. Санти пользовался его трактатом: *Spenerus Ph.J. Insignium theoria. Francofurti ad Moenum, 1690* (2-е изд. в: *Idem. Opus heraldicum. Ibid., 1717*).

2. От земельного герба — к городскому: новгородские и ярославские гербы

2а. Новгородский и ярославский гербы, Высочайше утвержденные в 1730 г. (гербовник Миниха)

«По старому: на желтом престоле красная подушка и от нея к правой стороне скипетр, а к левой крест; от престола вверх подсвечник с тремя горящими свечами — желтые, да около престола два медведя черные; поле белое».

«Стоящий медведь черный, на плече держит в лапе чекан красный; поле желтое»³⁵.

2б. Герб Ярославля (1778)

«В серебряном щите, медведь, стоячи, держит в левой лапе золотую секиру на такой же рукоятке (старый герб)».

2в. Герб Новгорода (1781)

«В серебряном поле златые кресла с лежащею красною подушкою, на коей поставлены крестообразно с правой стороны скипетр, а с левой крест, наверху кресел подсвечник с тремя горящими свечами, а по сторонам стоящие два медведя³⁶ (старый герб)».

2г. Гербы Новгородской и Ярославской губерний (1856)³⁷

«В серебряном поле, два черные медведя, поддерживающие два кресла золотые, с червленой подушкою, на коей поставлены крестообразно, с правой стороны скипетр, а с левой крест; над креслами золотой трисвещник с горящими свечами; в лазуревой окраине щита, две серебряные, одна против другой, рыбы. Щит увенчан Императорскою короною и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Андреевскою лентою».

«В серебряном поле, черный, идущий на задних лапах, медведь; голова прямо, держит в левой лапе золотую секиру на таком же ратовище. Щит увенчан Императорскою короною и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Андреевскою лентою».

³⁵ Ср. современный (утвержденный 27.02.2001 г.) блазон: «Герб Ярославской области представляет собой помещенного в золотом щите черного восстающего медведя, держащего левой лапой на левом плече серебряную секиру с червленым (красным) древком. Щит венчает ярославская княжеская шапка, соответствующая узаконению 1730-го года».

³⁶ Ошибочно не описана оконечность с четырьмя рыбами.

³⁷ Ввиду текстуальной близости блазонов губернских и титульных гербов последние не приводятся.

3. От городского герба — к земельному: символика Войска Донского в местных гербах

3а. Герб Новочеркаска (1803)³⁸

«В золотой вершине щита, возникающий государственный орел. В верхней части — в красном поле, золотой пернач, насека и бобылев хвост; и внизу, в голубом поле, булава, бунчук и насека; в боковых частях, в серебряном поле: четыре связанные лавровым венком, знамени — два белых, голубое и красное — с изображением на них черных орлов: и над рекою красная крепость.»

3б. Герб Войска Донского (Донской) области (1878)

«Щит, дважды рассеченный с главою. В среднем, серебряном поле, на лазуревом волнообразном поясе, червлёная зубчатая стена с тремя таковыми-же зубчатыми башнями, из которых средняя выше. В правом, червленом поле, золотой пернач, за которым положены, косвенно на крест: серебряный бобылем хвост, на таковом же древке и серебряная же насека — эмблемы пожалованные Войску Донскому Петром Великим; в левом, червленом-же поле, серебряная булава, за которою на крест положены, косвенно: серебряная насека, украшенная Императорским орлом, и серебряный-же бунчук, на таковом-же копье — эмблемы, пожалованные Войску Донскому, Императрицею Елисаветою Петровною. В золотой главе щита — возникающий черный Императорский орел, тремя коронами украшенный. Щит увенчан древнею Царскою короною³⁹; за щитом четыре Императорские знамени, соединенные Александровскою лентою.»

4. Именной указ, объявленный Сенату Управляющим Министерством Юстиции «О гербах губерний, областей, градоначальств, городов и посадов» (1857)

«Министр Императорского Двора подносил на Высочайшее воззрение Государя Императора составленные Коллежским Советником Кёне, по правилам Геральдики, проекты гербов: городов губернских, уездных, приморских и крепостей.

Его Императорское Величество, по рассмотрении сих проектов, Высочайше изволил оные утвердить, с тою только отменю, чтобы в гербах приморских городов был употреблен якорь, вместо весел.

Сообщенные Министерству Юстиции Генерал-Адъютантом графом Адлербергом, удостоенные Высочайшего утверждения 7 мая и 4/16 июля 1857 года помянутые проекты, с описанием оных, Управляющий Министерством Юстиции предложил Правительствующему Сенату.

³⁸ Пожалован в 1803 г. Черкасску, впоследствии станице Старочеркасской; автоматически перешел к Новочеркасску при передаче городского статуса.

³⁹ Под этим названием Кёне вывел корону, им самим сочиненную и не совпадающую с традиционной «древней» короной с острыми зубцами, венчавшей ранее гербы входивших в Россию царств. Одноименная корона, принятая в 1856 г. в династических гербах, идентична дворянской.

Описание Высочайше утвержденных украшений гербов губерний, областей градоначальств, городов и посадов.

А. Короны:

Рис. А.⁴⁰

1. Императорская корона для гербов губерний.
2. Древняя царская корона для гербов уездов, областей и градоначальств.
3. Императорская для гербов столиц.
4. Царская шапка в виде венца Мономахова, для древних русских городов, бывших местопребываниями царствующих Великих Князей, например: Киев, Новгород, Тверь и пр. Казанская корона для герба города Казани, Астраханская для герба города Астрахани, Грузинская для герба города Тифлиса.
5. а) Золотая башенная корона о пяти зубцах для гербов губернских городов, имеющих более пятидесяти тысяч жителей, на пр. Одесса, Рига, Саратов, Вильно, и пр.; б) Золотая башенная корона о пяти зубцах, увенчанная Императорским орлом, для губернских городов с пятьюдесятью тысячами или более жителями, и которые вместе и крепости.
6. а) Золотая башенная корона о трех зубцах, для других губернских городов, и
б) Таковая же корона, с Императорским орлом, для губернских городов, имеющих менее пятидесяти тысяч жителей, и которые вместе и крепости.
7. а) Серебряная башенная корона о трех зубцах, для уездных городов, и
б) Таковая корона, с Императорским орлом, для уездных городов, которые вместе и крепости.
8. а) Червлённая башенная корона о трех зубцах, для заштатных городов.
б) Таковая корона, с Императорским орлом, для крепостей, которые не губернские и не уездные города.
9. Червлённая башенная корона о двух зубцах для знаменитых посадов.

Рис. Б.

10. Польскую корону (Императрицы Анны Иоанновны) для губерний и для столицы Царства Польского.
11. Финляндская Велико-Княжеская корона для губерний и для столицы Велико-Княжества Финляндского.

Б. Украшения вокруг щитов:

Рис. В.

1. Дубовые листья, с Андреевскою лентою, для губерний.

⁴⁰ В Полном собрании законов Российской империи (и в настоящей публикации) рисунки не приводятся.

2. Дубовые листья, с Александровскою лентою, для областей и градоначальств.

Рис. Г.

3. Андреевская лента, с двумя Императорскими скипетрами, для столиц и для городов обыкновенного пребывания Их Императорских Величеств, Петергофа, Царского Села и Гатчины.
4. Александровская лента, с двумя золотыми молотками, для промышленных городов.
5. Александровская лента, с двумя золотыми колосьями, для городов, отличающихся земледелием и хлебною торговлею.
6. Александровская лента, с двумя золотыми якорями, для приморских городов.
7. Александровская лента, с двумя золотыми виноградными лозами, для городов, занимающихся виноделием.
8. Александровская лента, с двумя серебряными кирками, для городов, занимающихся горными промыслами.
9. Александровская лента, с двумя знаменами, украшенными Императорским орлом, для крепостей.
10. Георгиевская лента, с двумя знаменами, стоящими прямо и украшенными вензелем имени того Императора, во времени которого была осада, для крепостей, которые отличались против неприятеля.

Для употребления губернского герба в гербах городов, кроме губернских.

Губернский герб в городском гербе должен занимать вольную часть право (franc-quartier), или если она занята другою фигурою, принадлежащею к городскому гербу, то в вольной части влево.

Рис. Д.

См. при сем прилагаемый герб города Шлиссельбурга, с гербом Санктпетербургской губернии в вольной части вправо.

Если при учреждении новых губерний герб одного или другого города причисляется к другой губернии, тогда тоже переменяется губернский герб в вольной части городского герба.»